

Р180827

АКАДЕМИК
С. Г. СТРУМИЛИН

ПРОМЫШЛЕННЫЙ
ПЕРЕВОРОТ
в
РОССИИ

Оеиз-Госполитиздат . 1946

АКАДЕМИК
С. Г. СТРУМИЛИН

ПРОМЫШЛЕННЫЙ
ПЕРЕВОРОТ
В
РОССИИ

О Г И З
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1 9 4 4

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА	3
1. ПРОМЫШЛЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В АНГЛИИ	6
2. ОТ МАНУФАКТУРЫ К ФАБРИКЕ В РОССИИ	13
3. ПРОМЫШЛЕННЫЙ ПОДЪЕМ	23
4. РАЗЛОЖЕНИЕ МАНУФАКТУРЫ	36

Редактор *В. Бульгина*

Подписано в печать 17 августа 1944 г. Тираж 10 000 экз. А 9275. Заказ № 231.
Объем 3 п. л. Цена 1 рубль.

3-я типография «Красный пролетарий» треста «Полиграфкнига» ОГИЗа при СНК
РСФСР. Москва, Краснопролетарская, 16

ОТ АВТОРА

Промышленный переворот в Англии открыл собой новый этап в развитии *мирового* капитализма. И в этом его особое историческое значение. В других же странах, где этот процесс перевооружения мануфактуры в фабрику протекал значительно позже, его значение ограничивалось уже более узкими национальными рамками данной страны. Но для любой страны этот перелом на путях от мануфактуры к фабрике с крутым подъёмом на высшую ступень—машинную индустрию—означал собой революционный процесс незаурядного исторического значения. Его отнюдь нельзя трактовать только как радикальный *технический* переворот в способах производства, ибо «...за этим техническим переворотом,— как это подчёркивал В. И. Ленин,— неизбежно идёт самая крутая ломка *общественных отношений* производства...»¹ В каждой стране, однако, этот процесс, развиваясь в разное время и в различной народно-хозяйственной обстановке, протекает в особых, своеобразных формах и уже поэтому заслуживает специального изучения.

Особый интерес представляло бы *сравнительное* изучение этого процесса в различных странах. Такое изучение, объяснив нам детально, почему именно в одних странах технический переворот имел место раньше или позже, чем в других, протекал разными темпами и приводил к весьма различным социально-политическим результатам,— несомненно застраховало бы нас от многих предвзятых мнений и априорных заблуждений. Возьмём хотя бы такой вопрос: можно ли себе мыслить технический переворот в рамках *крепостной* эпохи?

A priori легче всего было бы отвергнуть такую возможность. Но фактический опыт истории решает эту проблему, повидимому,

¹ Ленин, Соч., т. III, стр. 353. Курсив мой. — С. С.

для разных стран весьма различно. И если в Англии и Франции политическое преодоление феодализма *предшествовало* промышленному перевороту, то, например, в России даже промышленный переворот оказался недостаточным толчком для *полной* ликвидации феодально-крепостнических отношений, доживших не только до 1861 г., но в известной мере и до дней Николая II.

Однако сравнительно-историческое изучение экономики различных стран не имеет ещё под собой достаточной научной базы, и было бы преждевременно превосходить все возможные из него выводы.

Теме о превращении мануфактуры в фабрику в условиях развития российского капитализма не очень до сих пор везло в нашей экономической литературе. В наиболее обстоятельной истории «Русской фабрики» Туган-Барановского эта тема вовсе не затронута, поскольку он вообще не затруднял себя строгим разграничением этих понятий и соответствующих им ступеней развития капитализма в России. Не уделили ей должного внимания и другие исследователи российской экономики.

Теперь уж едва ли требуется разъяснять, что генезис таких явлений, как, скажем, промышленный капитализм в России, нельзя приурочивать к юдной ночи—допустим, с 18 на 19 февраля 1861 г. Мы знаем, что появлению на свет даже отдельной личности предшествует длительный процесс утробной её жизни—вынашивания и развития в лоне матери. В ещё большей мере это справедливо в отношении происхождения целых общественных формаций. Подобно этому можно сказать, что и зарождение фабрики и фабричного строя крупной машинной индустрии—это дело не одного дня или года.

Но к какому же периоду следует его отнести у нас в России? В какой конкретной обстановке и какими темпами протекал у нас этот процесс превращения мануфактуры в фабрику? Можно ли его уподобить по бурным темпам развития промышленному перевороту в Англии, или он протекал у нас столь медленно и постепенно, что начало его и конец вообще теряются в потоке времени? Каковы все другие специфические особенности этого процесса в России по сравнению с другими капиталистическими странами? И наконец, что особенно интересно, может ли промышленный переворот эпохи капитализма идти в какое-либо сравнение по своим масштабам и значению с промышленной революцией нашей, сталинской эпохи индустриализации?

В предвидении этой эпохи Фридрих Энгельс писал ещё в 1847 г.: «Крупная промышленность, *освобождённая от гнёта частной собственности*, разовьётся в таких размерах, по сравнению с которыми её нынешнее состояние будет казаться *столь же мизерным*, каким нам представляется *мануфактура* по сравнению с *крупной*

*промышленностью нашего времени»*¹. Это гениальное предвидение Энгельса сбывается на наших глазах. Мы имеем уже возможность прямого сопоставления двух замечательнейших эпох скачкообразного подъёма производительных сил, обозначивших своими взлётами те пороги, которые лежат на гранях смежных экономических формаций. Через первый из них в своё время переступил в нашей стране капитализм, а на гребне второго из них перед нами открылись широкие возможности для небывалого расцвета производительных сил, для завершения строительства социалистического общества и постепенного перехода к коммунизму. Не ясно ли, что сравнительное изучение и сопоставление таких переломных моментов на гранях различных формаций помогло бы нам не только лучше осветить наше прошлое, но и приоткрыть завесу ближайшего будущего?

Все эти и тому подобные вопросы, связанные с нашей темой, ещё ждут своего исследователя. А между тем конкретного исторического материала для их освещения у нас накопилось уже немало и хотелось бы путём хотя бы частичного его использования, в порядке почина, привлечь внимание исследователей к этой благодарнейшей теме.

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. V, стр. 477. Курсив мой. — С. С.

1. ПРОМЫШЛЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В АНГЛИИ

Если *исходным* моментом промышленной революции в Англии было изобретение и внедрение в производство хлопчатобумажной пряжи целой серии *рабочих* машин, то *завершение* её стало возможным лишь с применением в процессе использования этих машин *парового двигателя*. Принимая определение фабрики как *системы* рабочих машин, покоящейся на простой или сложной кооперации их и приводимой в движение общим двигателем, мы можем мыслить себе такой двигатель и в виде *конного* ворота или *водяного* колеса. Но логика развития этой системы машин очень скоро отбросила все такие примитивные формы двигателей, не исключая даже паровой машины Ньюкомена, изобретённой ещё в конце XVII века, но годной лишь для водоотливных устройств. По словам Маркса, машина Ньюкомена, обслуживая предприятия мануфактурного периода вплоть до 80-х годов XVIII века, «...не вызвала никакой промышленной революции. Наоборот, именно «создание рабочих машин сделало необходимой *революцию в паровой машине*»¹, в результате чего создана была универсальная паровая машина двойного действия Уатта, запатентованная в апреле 1784 г.

Вполне естественно, однако, что после этой, венчающей эпоху великих изобретений XVIII века революции в самой системе механических двигателей, *вполне законченной* фабрикой стала лишь система машин, обслуживаемая такой универсальной паровой машиной. И если *спорадического* появления машин на той или иной мануфактуре ещё недостаточно для перерастания её в фабрику, то появление

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XVII, стр. 412—413. Курсив мой. — С. С.

на ней *парового двигателя* в качестве *завершающего звена системы* машин может быть принято за вполне осязательный признак такого перерастания.

Промышленный переворот означал собой победу фабричного строя над мануфактурным. Конечно, эта победа потребовала немало времени и всё же отнюдь не означала полного вытеснения мануфактурного ручного труда машинным во *всех* отраслях индустрии. Установить вполне точную грань, где кончается мануфактура и начинается фабрика или, говоря иначе, где кончается мануфактурный период и начинается период машинной индустрии, едва ли возможно. К сожалению, «...эпохи истории общества, подобно эпохам истории земли, не отделяются друг от друга,—как это уже отметил Маркс,—абстрактно-строгими разграничительными линиями»¹. Начальным моментом промышленной революции в Англии можно бы считать освоение в производстве первых рабочих машин. «Когда Джон Уайет в 1735 г. возвестил о своей прядильной машине», он, по словам Маркса, вместе с тем *возвестил* «о промышленной революции XVIII века...»² Однако эта первая весть не имела ещё практических последствий. Известно, что с момента изобретения многих машин (до их внедрения в производство проходит немало времени. Так, челнок-самолёт Джона Кэя, изобретённый ещё в 1733 г., нашёл своё первое заметное применение лишь через 27 лет, в 1760 г. Станок же Уайета вообще не вошёл в жизнь. Устроенная Паулем и Уайетом в 1740 г. маленькая прядильня на десять человек с одной машиной, приводимая в движение двумя ослими, уже через два года обанкротилась, а другая, побольше, с пятью машинами той же системы, прозябала подольше, до 1764 г., но тоже безвременю угасла, оставшись без подражания. Поэтому Энгельс не без основания считал непосредственным толчком к промышленной революции в Англии, вызвавшей полный переворот в буржуазном обществе, *изобретение* паровой машины и машин для обработки хлопка *второй* половины XVIII столетия.

В порядке дальнейшего уточнения начальных моментов этой революции можно отметить конец 60-х годов XVIII века. В 1768 г. была построена первая прядильная машина «дженни» Харгривса, получившая *широкое* распространение. В 1788 г. в Англии насчитывалось уже свыше 20 тыс. «дженни», но применялись они главным образом в мелком производстве и приводились в движение *ручной* тягой. Почти одновременно, начиная с 1769 г., вошла в эксплуатацию *конной* тягой и прядильная машина Аркрайта. С 1771 г. приводом к ней служило уже *водяное* колесо, отчего она и получила

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XVII, стр. 408.

² Там же, стр. 409.

своё название, ватер-фрем, т. е. водяной станок. Только с появлением машин Аркрайта, по оценке Манту, «машинизм перестаёт быть фактом, относящимся исключительно к *истории* техники; он становится экономическим фактом в самом широком смысле этого слова»¹. В новую и наиболее решающую фазу своего развития промышленная революция в Англии, однако, вступила лишь с применением ко вновь изобретённым прядильным машинам универсального парового двигателя Уатта. Первые его машины 1775—1784 г., применимые лишь к водоподъёмным насосам, ещё не годились для этой цели. Но с 1785 г. появляются уже новые паровые двигатели *двойного* действия с *вращательным* движением, и промышленная революция получает новое ускорение. Так, если за 1775—1785 гг. завод Болтона и Уатта, получивший монопольное право на производство паровых двигателей в Англии, выпустил их всего 70 штук общей мощностью в 1381 силу, то за следующее десятилетие этот выпуск возрос до 155 машин в 2239 сил, а всего к 1800 г. с завода было выпущено 325 машин в 5411 сил². Ещё быстрее нарастало число прядильных станков и веретён. Промышленная революция расширяла свою техническую базу в геометрических пропорциях и темпах.

Не столь чётко, как начало, отграничивается во времени конец промышленной революции в Англии. Называя её «промышленной революцией XVIII века», Маркс и другие исследователи тем самым как будто вполне определённо датируют её завершение в этой стране до начала XIX века. Но, как известно, бурное развитие капитализма в Англии продолжалось и после 1800 г. Решающие технические сдвиги на пути от мануфактуры к фабрике в Англии к началу XIX века имели место лишь в хлопчатобумажной промышленности, металлургии и машиностроении. Да и в обработке хлопка полную победу машин можно отметить только в бумагопрядении. Но если в обработке хлопка *ручное* прядение уже отошло в область преданий, то в других отраслях обработки волокнистых веществ, наоборот, *механическое* прядение до 20-х годов составляло лишь *единичное* явление. Ещё медленнее внедрялось механическое *ткачество*. Хотя механический ткацкий станок Картрайта был запатентован уже в 1785 г., но и к началу XIX века «во всей Англии имелось ещё только *несколько сот* механических станков»³. В то же время ручных станков ещё в 1813 г. насчитывалось до 200 тыс. Ещё

¹ П. Манту, Промышленная революция XVIII столетия в Англии, Гиз, 1925, стр. 168. Курсив мой.—С. С.

² John Lord, Capital and Steam-Power, 1750—1800, London 1923, p. 167—175.

³ П. Манту, цит. соч., стр. 176. Курсив мой.—С. С.

в меньшей мере вытеснила фабрика к началу XIX века не только мануфактуру, но и кустарный ручной труд в других отраслях, например в суконной промышленности. Так, по свидетельству Манту, из всего количества суконных материй, сотканных в 1803 г. в Вестрайдинге, «только $\frac{1}{16}$ шла из больших фабрик, управляемых капиталистами, всё же остальное, около 430.000 кусков, вышло из мастерских, где работали кустари»¹. Об общем числе законченных фабрик с паровыми двигателями можно судить по следующим итогам Джона Лорда о распределении установленных к 1800 г. паровых машин во всех отраслях британской промышленности:

Таблица 1

Паровые двигатели британской индустрии в 1800 г.

Производства	Двигатели	Число сил	
		абс.	в %
1	2	3	4
Обработка хлопка	92	1 510	32,3
♦ шерсти	9	180	3,8
♦ льна и пеньки	6	104	2,2
Ситцепечатни, красильни, белильни . . .	7	94	2,0
<i>Итого</i>	114	1 888	40,3
Металлургия и обработка металлов . . .	37	922	19,7
Медные рудники, свинцовые, соляные копи	29	523	11,2
Угольные шахты	34	412	8,8
Пивоваренные и винокуренные заводы . .	27	349	7,5
Зерновые мельницы	13	192	4,1
Прочие производства	34	391	8,4
<i>Всего</i>	288	4 677	100

Со включением двигателей, установленных на каналах и водопроводах, общее их число в стране достигало 321 мощностью в 5 200 сил. Из них собственно в Англии находилось 289 двигателей в 4 543

¹ П. Манту, цит. соч., стр. 194.

силы, остальные приходились на долю Шотландии и Ирландии. Львиная доля учтённой в таблице мощности при этом падала на обработку хлопка и металлургию. А в большинстве остальных отраслей паровые машины были ещё большой редкостью, например в производстве бумаги—всего одна, в кожевенном производстве—тоже одна, в производстве стекла и фарфора—шесть и т. д. Да и общее количество фабрик на всю страну, не достигавшее 300, по сравнению с современными нам масштабами представляется более чем скромным. Поэтому завершение промышленной революции в Англии иногда относят к концу первой четверти (кризис 1825 г.) или даже к середине XIX века. Но с этим никак нельзя согласиться. Конечно, *техническое* перевооружение ряда отсталых отраслей на путях от мануфактуры к фабрике затянулось в Англии, значительно выходя за грани XVIII века. Однако тот *решающий* технический сдвиг, который означал собой не только *техническую* революцию, но и целый «переворот в общественном способе производства...»¹, мы имеем все основания относить ещё к концу XVIII века. Недаром же именно эта грань принимается нами за начало новой эры—господства буржуазных отношений в Европе.

Таким образом, если самый начальный, так сказать *утробный* период развития капитализма в недрах феодализма отнести ко времени от начала XVI века до английской революции 1649 г., а эту последнюю условно принять за дату его рождения, то в период французской революции и промышленного переворота в Англии, к 1800 г., капитализм праздновал уже своё гражданское совершеннолетие и полную правоспособность. В этих широких хронологических рамках собственно на период промышленной революции, если оставить в стороне её первых неудачливых провозвестников, придётся с конца 60-х годов XVIII века до начала XIX века всего около тридцати лет. В том, что переход количества в качество в развитии этой революции приходится именно на указанные годы, можно убедиться из сопоставления сравнительных темпов роста потребления хлопка в Англии за различные периоды. За первую половину XVIII века при безраздельном господстве мануфактурного строя это потребление утроилось, поднявшись с 1 млн. до 3 млн. фунтов, что соответствует среднему приросту до 25% за целое десятилетие. Таковы темпы мануфактурной эпохи. Не выше этой нормы оказались и темпы роста ввоза и потребления хлопка в Англии за последующие два десятилетия, до начала 70-х годов. Но зато в следующие три десятилетия, когда после ряда упорных исканий, неудач и разочарований реализовались, наконец, с силой взрывной волны все чаяния и

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XVII, стр. 519.

патенты Аркрайта, Уатта и целой плеяды других знаменосцев новой промышленной эпохи, темпы получились совсем иные.

С 1771 по 1800 г. ввоз хлопка в Англию (Соединённое королевство) возрос с 4,7 млн. до 56 млн. англофунтов¹, т. е. в 12 раз, что даёт уже до 130% прироста в среднем за десятилетие вместо прежних 25. Причём если разделить этот период в тридцать лет пополам—до 1785 г., когда прядильные машины приводились ещё в движение в лучшем случае *водяным* колесом, и с 1785 г., когда начала работать первая *паровая* бумагопрядильня Робинсонов,—то получим такое ускорение темпов потребления хлопка: за первую половину этого периода получается примерно *удвоение* потребления за десять лет, а за второй—рост его в 2,8 раза, или на 180%, за десять лет. Для сравнения укажем, что с начала XIX века, с 1800 по 1810 г., этот темп упал уже до 122%, а с 1810 по 1820 г. темпы упали ещё ниже—всего до 23%. Если всю эту динамику темпов представить в виде кривой, то сразу станет ясно, что *вершина* этой кривой промышленного переворота окажется между 1785 и 1800 гг., т. е. *целиком в пределах XVIII века*. А если присмотреться к этой кривой повнимательнее, то обнаружится и ещё одно весьма интересное явление.

На кривой максимального подъёма наблюдаются весьма чувствительные провалы, свидетельствующие о *первых* за капиталистическую эпоху—пока ещё, по видимому, частных—кризисах перепроизводства. Эта кривая «прогресса», как её называет Манту, с 1780 до 1800 г. «представляет несколько понижений, через довольно правильные промежутки; понижения отвечают *промышленным кризисам*, из которых два, по меньшей мере, были серьёзные. В 1788—89 гг. большинство недавно основанных фабрик принуждены были расчитать часть своего персонала; некоторое число их даже совсем закрылось. В деревнях Ланкашира и Чешира, где дженни стала главным источником существования местного населения, нужда была велика. В 1793 г. положение было, быть может, ещё более серьёзным: свыше десятка фабрикантов-прядильщиков объявило себя несостоятельными, и ввоз сырья упал сразу с 35 миллионов фунтов до 19 миллионов. Правда, за каждым из этих кризисов следовало новое оживление». Современникам эти кризисы представлялись *катастрофическими*. «Я был свидетелем более чем одной катастрофы в хлопчатобумажной промышленности,—рассказывал впоследствии один фабрикант. В 1788 г. мне казалось, что она не

¹ Абсолютные цифры ввоза см. Манту, цит. соч., стр. 181 и «Мировые экономические кризисы», т. I, 1937, стр. 474. В 1810 г. потребление хлопка достигло 124 млн. фунтов и в 1820 г.—153 млн. фунтов.

оправится больше. В 1793 г. она получила новый удар; в 1799 г. она испытала ещё более жестокое потрясение. Точно так же в 1803 и 1810 гг. Но после каждого такого краха подъём был изумителен»¹.

Эти кризисные явления известны были и Марксу, который в развитии английской хлопчатобумажной промышленности за время с 1770 по 1815 г. насчитывал уже «...5 лет кризиса и застоя...»² И если у нас обычно историю кризисов перепроизводства начинают только с 1825 г., когда кризисы обнимают уже не одну-две, а вообще все охваченные капиталистическим подъёмом отрасли крупной машинной индустрии, то не следует забывать, что до начала XIX века такой охват по необходимости был гораздо уже и почти целиком ограничивался одной лишь ведущей в области механизации хлопчатобумажной промышленностью. Отрасли с преобладанием *ручного труда*, едва поспевавшие в темпах своего развития за естественным приростом населения, не угрожали перепроизводством. Только с внедрением *машинной* техники, резко повысившей темпы развития, как мы видели из данных о потреблении хлопка, в условиях капиталистического присвоения возникла возможность кризисов. То, что они фактически имели место уже в конце XVIII века, является лучшим показателем капиталистической зрелости ведущих отраслей английской промышленности к этому времени. Лишь на базе новой техники стало возможным не ограниченное никакими рамками крупное машинное производство, началось широкое внедрение паровых машин, стали вырастать действительно крупные промышленные центры.

«Паровая машина—*мать* промышленных городов»³. Она завершает своим появлением на свет целую полосу общественного развития. Обусловив своим внедрением в производство рост крупных фабричных центров, она явилась базой не только небывалого ещё *ускорения* темпов экономического развития вплоть до периодических кризисов перепроизводства, но и расширенного воспроизводства на этой новой базе классовых противоречий, углубления и обострения *классовой борьбы* пролетариата с буржуазией. Именно поэтому перевооружение английской мануфактуры в фабрику к началу XIX века означало собой не только *техническую* революцию. Из новой техники выростала новая экономика и новые общественные отношения. «Переход от мануфактуры к фабрике,—по словам Ленина,—знаменует полный технический переворот, испровергаю-

¹ П. Манту, цит. соч., стр. 182. Курсив мой. — С. С

² Маркс и Энгельс, Соч., т. XVII, стр. 503.

³ См. Маркс и Энгельс, Соч., т. XVII, стр. 415.

щий веками нажитое ручное искусство мастера, а за этим *техническим* переворотом неизбежно идёт *самая крутая ломка общественных отношений производства*, окончательный раскол между различными группами участвующих в производстве лиц, полный разрыв с традицией, обострение и расширение всех мрачных сторон капитализма, а вместе с тем и массовое обобществление труда капитализмом»¹.

Спрашивается, когда же и как протекал этот столь чреватый последствиями революционный процесс у нас, в России?

2. ОТ МАНУФАКТУРЫ К ФАБРИКЕ В РОССИИ

Если XVIII век в России был веком безраздельного господства и роста крупной мануфактурной промышленности, то уже с самого начала XIX века здесь можно отметить наряду с мануфактурой первые зачатки машинной индустрии. Фабрика вступает в борьбу с мануфактурой.

Имея за собой английский опыт, русская промышленность могла бы избежать многих напрасных исканий и всяких других неудач, связанных с первыми шагами в деле механизации мануфактурного труда. Недостатка в людях, способных *освоить* передовую английскую технику, у нас *даже* в XVIII веке не было. Если английские мастера в этот век артистического ручного труда способны были сконструировать даже механическую блоху, то наши русские во всяком случае могли её подковать. Живо билась у нас уже и тогда самостоятельная, творческая техническая мысль. Вспомним хотя бы имена таких гениальных русских техников-самоучек, как Кулибин или Ползунов, построивший уже в 1765 г., т. е. за двадцать лет до Уатта, «*первую* в мире паровую машину для непосредственного привода заводских механических агрегатов»². Богаче многих других стран русская земля была уже тогда и рабочей силой и естественными ресурсами. Однако все такие потенциальные преимущества тогдашней России перекрывались одним весьма существенным недостатком—Россия была крепостной.

Для проникновения и широкого внедрения машин в русскую промышленность крепостной строй, конечно, являлся сильнейшим тормозом. Несомненно, что этот строй сильно задерживал и нормальный рост *мануфактуры* в нашей стране. Но для *фабрики* он являлся гораздо более серьёзным и опасным препятствием. Мы уже не го-

¹ Ленин, Соч., т. III, стр. 353. Курсив мой.— С. С.

² В. В. Данилевский, И. И. Ползунов, М.—Л. 1940, стр. 3.

ворим о том, что крупная машинная индустрия нуждается в широком рынке сбыта, а по преимуществу *натуральное* крепостное хозяйство ставит очень узкие пределы развитию такого рынка. Основное противоречие между фабрикой и крепостным укладом заключалось в другом. Сложная машина предъявляет к рабочему такие требования, каких к нему никогда не предъявлял элементарный ручной труд. Дорогая машина совершенно не мирится с крайне непроизводительным, хотя и дешёвым, крепостным трудом, и не только потому, что при дешёвом труде отпадают сильнейшие стимулы к его замещению дорогими машинами. Не следует ещё забывать, что дорогая машина прежде всего требует культурного к себе отношения и сильно штрафует своего хозяина за всякий простой и за всякое недостаточно интенсивное её использование. В связи с этим для машинной индустрии требуются такие условия труда и такой *уровень культуры*, какого не даёт крепостной строй. А когда такой рабочий всё же воспитывается машиной, то, даже будучи выходцем из крепостной среды, он уже никогда не примирится с этой средой.

Уже из этого непримиримого противоречия ясно, что если несколько запоздавшее у нас наступление фабрики на мануфактуру и *задерживалось* господством в стране крепостных отношений, то совершенно неотвратимая победа крупной машинной индустрии над гораздо менее производительным ручным трудом, наоборот, должна была сильно *ускорить* разложение и неизбежную ликвидацию феодально-крепостного уклада. И потому совсем не случайно, что период перевооружения мануфактуры в фабрику, повелительно требующую свободного труда, в основном совпал у нас с периодом разложения и окончательного преодоления самого крепостного строя. В самом деле, сопоставим несколько показательных дат и цифр из промышленной истории Англии и России на интересующем нас этапе развития от мануфактуры к фабрике.

Если в Англии первая паровая машина Уатта для водоотлива в рудниках Корнуэльса была установлена в 1775 г., то в России первая такая машина для водоотлива на Воицком золотом прииске была построена в Петрозаводске Гаскойном на казённом заводе в 1790 г. Однако частичная механизация одного лишь водоотлива при ручной добыче руд или золотоносных песков не может ещё служить достаточным признаком переоборудования в «фабрику». Первыми вполне законченными *фабриками* с паровыми двигателями в Англии можно, повидимому, считать лишь машиностроительный завод Болтона в Сохо и механическую бумагопрядильню Робинсонов в Папльвике. На обоих установлены паровые машины Уатта двойного действия не раньше 1785 г. В России первый машиностроительный завод Карла Берда возник в 1792 г., но паровая ма-

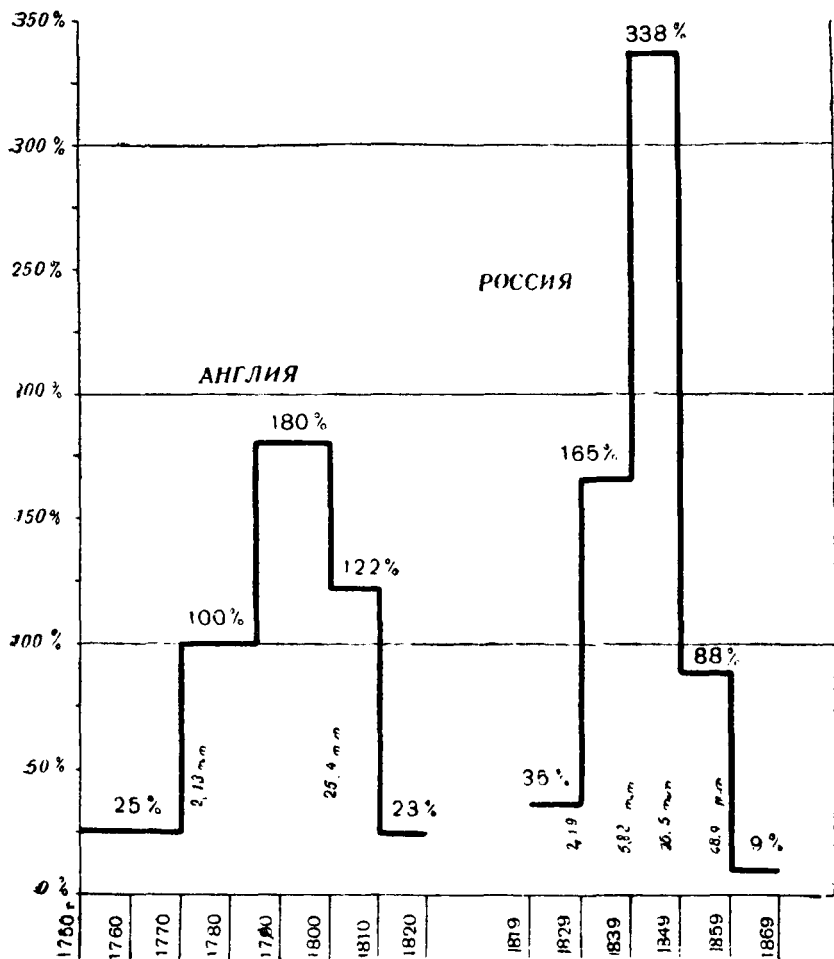
шина в 4 стлы установлена была на нём не раньше 1795 г. Первая механическая бумагопрядильная фабрика в России возникла около 1800 г. Однако паровой машиной эта бумагопрядильня, известная под именем Александровской казённой мануфактуры, оборудована была не раньше 1805 г. Таким образом, эти первые русские фабрики по начальной дате завершения их механизации отстали от соответствующих английских всего на десять-двадцать лет.

Гораздо хуже, однако, пошло дело с дальнейшим ходом механизации в России. Очень долго, целые десятилетия, она продвигалась у нас вперёд черепашими шагами. Под действием крепостных тормозов наше отставание от Англии на путях механизации нарастало, и если в Англии, скажем, переработка хлопка уже в 1771 г. достигла 2132 т, то в крепостной России (без Польши и Финляндии) эта норма была впервые превзойдена лишь в 1828 г., с отставанием от Англии уже не на десять-двадцать, а на целых 58 лет. Начиная, однако, с 30-х годов механическое бумагопрядение в России сделало огромный скачок вперёд, не только не отставая, но даже опережая соответствующие темпы промышленной революции в Англии. В самом деле, если в Англии с 1771 по 1800 г., как мы уже отмечали, ввоз хлопка, поднявшись с 2,13 тыс. до 25,4 тыс. т, возрос за *тридцать лет* раз в 12, то в России соответствующий путь пройден был с 1829 по 1849 г. *всего за двадцать лет*. Рассматривая ввоз хлопка в Россию по десятилетиям, мы получаем такую чрезвычайно характерную для переломных моментов кривую темпов¹:

Годы	Ввоз (в тыс. т)	% прироста
1819—1829	1,62—2,19	35
1829—1839	2,19—5,82	165
1839—1849	5,82—25,5	338
1849—1859	25,50—48,0	88
1859—1869	48,0—52,5	9

Скачки с повышением или понижением темпов роста ввоза сразу в 5—10 раз довольно отчётливо выделяют полосу, наиболее бурного промышленного переворота в российском бумагопрядении с вершиной его в 40-х годах прошлого века. Слишком резкое падение этих темпов в начале 60-х годов, вызванное гражданской

¹ В. И. Юферов, Хлопководство в Туркестане, Л. 1925, стр. 143—144.

Кривые темпов роста потребления хлопка
(%, прироста в среднем за десятилетие)

войной в США, нуждается, конечно, в специальных оговорках. Но дело в том, что и в последующие десятилетия за весь капиталистический период развития данной отрасли мы уже не встречаем таких темпов её роста, как в отмеченный нами период с начала 30-х годов до конца 50-х годов XIX века. За эти тридцать лет переработка хлопка в России возросла в 22 раза, причём таких темпов, как за 40-е годы, с *учетверением* за одно лишь десятилетие, не знала даже Англия в свои лучшие годы промышленного переворота XVIII века. А между тем период 1830—1860 гг. целиком укладывается у нас в рамки, правда, *разлагающегося*, но всё же ещё не изжитого феодально-крепостнического уклада.

Очень поучительно сопоставить кривые темпов роста потребления хлопка за период перехода от мануфактуры к фабрике в Англии и России в графическом изображении (см. диаграмму). Темпы роста вполне сопоставимы только тогда, когда и *абсолютные уровни* сопоставляемых величин для начального момента наблюдения—одного и того же порядка. В нашем случае это условие вполне соблюдено для периодов максимального взлёта темпов механического прядения в Англии с 1770 до 1800 г. и в России с 1829 по 1849 г. И, таким образом, мы можем *воочию* убедиться, что хотя промышленный переворот в крепостной России запоздал в бумагопрядении лет на 50—60 по сравнению с Англией, но зато взлёт темпов роста здесь был даже *круче*, чем в Англии. Вот почему тот путь, который Англия прошла лет за тридцать, в России был пройден за одно двадцатилетие, факт малоизвестный, но тем более заслуживающий внимания.

Механическое бумагопрядение и в России, как и в Англии, было наиболее передовой и показательной отраслью в общем ходе промышленной революции. Кстати сказать, оно даже у нас, в крепостной России, целиком базировалось на вольнонаёмном труде. Достигновения других отраслей в механизации, в особенности таких, где значительную роль играли *принудительные* формы труда, были значительно скромнее. Но и в Англии успехи других отраслей, кроме бумагопрядения, за XVIII век были не столь уж значительны. И во всяком случае тот *уровень* развития, какого они достигли к концу промышленной революции в Англии, был в основном пройденной ступенью и в России ещё в пределах крепостной эпохи. Это может показаться для многих неожиданным, но, тем не менее, это подтверждается довольно убедительными фактами. Приведём на первый случай только некоторые из них.

Возьмём хотя бы наиболее технически отстававшую у нас отрасль—чёрную металлургию. Несмотря, однако, на это отставание, она применяла у нас уже в крепостной период и пудлингование (с 1842 г.), и бессемерование (с 1857 г.), и другие технические

новшества, которые не были известны английской металлургии до 1800 г. Правда, английская металлургия за недостатком древесного угля уже с 1735 г. начала перестраиваться на минеральный уголь, а русская в крепостную эпоху за обилием и дешёвизной лесов предпочитала выплавлять более высокий по качеству древесно-угольный металл. Тем не менее, несмотря на все иные преимущества коксовой плавки, в Англии за 1800 г. было выплавлено всего 193 тыс. метрических тонн чугуна, а в России за 1860 г.—336 тыс. т. К этому ещё добавим, что на соответствующие даты в английской металлургии числилось *не свыше* 37 паровых машин Уатта мощностью в 922 силы, а в русской—не меньше 123 паровых двигателей общей мощностью в 2788 сил¹. Как видим, даже весьма отсталая русская металлургия отставала от Англии менее чем на 60 лет, и в области технического перевооружения к 1860 г., несмотря на все крепостнические тормозы, заметно превзошла тот уровень, который по английским масштабам 1800 г. знаменовал собой целый переворот.

Отставало у нас в темпах своего развития от бумагопрядения и механическое бумаготкачество, но не в большей мере, чем в Англии начала XIX века. И если в Англии к 1800 г. насчитывалось всего несколько сот механических ткацких станков, то у нас уже к концу 40-х годов их было не меньше, а к 1860 г. их было, по минимальным подсчётам, 13 131². Правда, *ручных* станков на централизованных мануфактурах и за раздаточными конторами у кустарей числилось ещё больше. И мучительный затяжной процесс вытеснения этих ручных кустарей машиной продолжался ещё не одно десятилетие. Но и в Англии было не лучше. Напомним, что ещё в 1813 г. там насчитывалось до 200 тыс. ткацких станков, в том числе не свыше 1% механических. «Преобладало» там ручное ткачество и в 1819—1821 гг. Массовый переход ручных ткачей на фабрики в Англии начался лишь в 30 п 40-х годах, а окончательное их вытеснение последовало не раньше середины XIX века³. Однако численное соотношение механических и ручных ткачей и станков без сравнительного учёта их производительности мало показательно. Поэтому приведём следующие итоги продукции бумаготкацких фа-

¹ См. С. Струмилин, Чёрная металлургия в России и в СССР, М.—Л. 1935, стр. 221, данные за 1859 г., и вышеуказанную работу Дж. Лорда, из которой мы взяли мощность всей британской металлургии, включая сюда и машиностроение.

² М. Киттары, Обзорение Санкт-Петербургской выставки, Спб. 1861, стр. 274.

³ Кулишер, Лекции по истории экономического быта Западной Европы, 1916, стр. 478, 485

брик, мануфактур и кустарных светёлок в России, которые нам удалось расчлениить по этим рубрикам, к сожалению, только за 1866 г.:

Таблица 2

Бумаготкачество в России за 1866 г.

Тип заведений	Количество			Кусков ткани		
	заведений	станов	рабочих	всего (в тыс.)	на один стан	на одного рабочего
1	2	3	4	5	6	7
Фабрики механического тканья	42	16 100	20 694	3 308	205	160
Мануфактуры (ручные станки)	289	11 200	20 336	664	59	33
Раздаточные колторы и кустари	143	64 848	64 848	1 399	22	22
<i>Итого . . .</i>	474	92 148	105 878	5 371	58	51
В том числе ручного тканья	432	76 048	85 184	2 063	28	24

Как видим, механические станки составляли в 1866 г. едва 17,5% общего их числа. Но производительность их была уже раз в десять выше по сравнению с основной массой ручных станков в кустарных светёлках. И в результате на эти 17,5% механических фабричных станков падает до 62% общего итога ткацкой продукции. Примерно те же соотношения можно принять и для 1860 г. Говоря иначе, преобладание фабрики над мануфактурой со всеми её кустарными придатками достигнуто было и в бумаготкачестве ещё в крепостной России, уже к началу 60-х годов.

Несколько слов стоит ещё сказать о машиностроении. Если мерить его сегодняшней меркой, то пришлось бы сказать, что его вовсе не было в дореформенной России. Но в экономической истории приходится оперировать историческими масштабами. И в этом случае поучительным масштабом может послужить нам пример Англии конца XVIII века, выдержавшей к этому времени как раз такой экзамен на индустриальную зрелость, как промышленная революция. Очень любопытно, однако, что в Англии за 1775—1800 гг.—в самый разгар этой революции—производством паровых машин занят был всего один единственный на всю страну завод Болтона в Сохо. И всё же усилиями одного завода было оборудовано новыми машинами достаточно фабрик, чтобы гово-

ригть, о целой революции. В России к началу XIX века тоже имелся всего один машиностроительный завод Берда. Но уже в 1848 г. здесь насчитывалось не менее двух десятков механических заводов, а к 1861 г. их число доходило уже до сотни. И среди них были такие по тому времени гиганты, как Людиновский завод Мальцева—свыше 3 тыс. рабочих, Путиловский—до 1 800 рабочих, Берда—1 200 рабочих, Невский—до 1 200 рабочих, Шипова в Костроме—1 151 рабочий и многие другие. А кроме того, по сравнению с Англией XVIII века Россия первой половины XIX века располагала ещё одним крупным преимуществом: она помимо *своих* машин для переоборудования мануфактур в фабрики могла использовать и *ввоз их из-за границы*. О сравнительных масштабах и динамике этих источников можно судить по следующим итогам за тридцать лет (в тыс. руб. серебром):

Десятилетия	Ввезено машин	Своя продукция	Итого машин
1831—1840 . . .	4 111	(2 750)	6 861
1841—1850 . . .	11 747	4 134	15 881
1851—1860 . . .	48 080	36 433	84 513
<i>Итого . . .</i>	63 938	43 317	107 255

Как видим, ввоз за данный период дал даже больше, чем собственная продукция. Но внутренняя продукция росла значительно быстрее ввоза и к 1860 г. уже примерно сравнялась с ним по стоимости, давая до 8 млн. руб. в год. В отличие от механического бумагопрядения, давшего наивысшие темпы роста уже в *40-е годы* XIX века, другие, более отсталые отрасли ручного труда перестраивались на машинный лад несколько позже. Однако *особенно бурная перестройка* мануфактур в фабрики и в этих отраслях, повидимому, *прошла у нас ещё до 1861 г.* Об этом свидетельствуют и динамика ввоза машин и темпы развития собственного машиностроения. За 1850—1860 гг. оно выросло у нас: по числу заводов, с 25 до 99,—раза в четыре, по числу рабочих, с 1 470 до 11 600,—почти в 8 раз и по сумме продукции, с 423 до 7 954 тыс. руб.,—почти в 19 раз. Это совершенно беспрецедентное по темпу роста десятилетие за весь XIX век. Даже за 1860—1870 гг., непосредственно вслед за реформой, эти темпы замедлились, давая прирост в пять-шесть раз. И вот в результате указанной перестройки, если в Англии за весь период промышленной революции во все отрасли производ-

ства было внедрено всего 4543 л. с. паровой мощности, то в России в 1860 г., т. е. ещё до падения крепостной системы, насчитывалось уже до 60 тыс. л. с. паровой мощности в стационарных установках, до 100 тыс. л. с. на железных дорогах и до 40 тыс. л. с. на паровых судах, а в сумме до 200 тыс. л. с.¹ Это немного, конечно, на наш современный масштаб, но всё же это в 44 раза больше того, что имела Англия в результате промышленного переворота.

Уже из приведённых сопоставлений можно сделать некоторые выводы. Как бы мы ни датировали начальный и конечный моменты промышленного переворота в Англии и в России, но *решающие* сдвиги в этой перестройке в Англии, повидимому, следует отнести примерно на 1770—1800 гг., а в России, говоря грубо, на 1830—1860 гг. Конечно, перестройка мануфактур в фабрики продолжалась у нас ещё очень долго и после крестьянской реформы, захватывая всё новые отрасли индустрии. Но после реформы развитие капитализма в России вширь и вглубь протекало уже более спокойными темпами. Если же сопоставить наивысшие точки подъёма темпов в этой перестройке, то придётся признать, что Россия к концу крепостной эпохи отстала от Англии в своём развитии по меньшей мере лет на 50—60. А между тем ещё в петровскую эпоху русская мануфактура выдвинулась на передовые позиции, так что, скажем, и русское железо и русское полотно петровских мануфактур вывозились из России в Англию, а не в обратном направлении. И столь серьёзное отставание России от Англии по времени перестройки этих мануфактур на фабричный уклад в этом свете станет ещё показательнее. Отставание это, несомненно, произошло *благодаря* господству крепостного строя в России. Но по мере его разложения темп перестройки нарастал, и в общем она всё же прошла у нас, *несмотря* на крепостной строй. А некоторое запоздание во времени этой перестройки привело лишь к тому, что она прошла у нас даже в *более широких масштабах*, чем это было возможно в английских условиях XVIII века, и во всяком случае не в менее бурных темпах.

Впрочем, уже теоретически можно было предположить, что такой решающий сдвиг в развитии народного хозяйства, как перестройка мануфактуры в фабрику, не мог и у нас, в России, протекать слишком плавно и незаметно, без очень чувствительных толчков на поворотах. Диалектический метод познания учит нас, что в развитии хозяйства, как и во всех процессах в природе и в обществе, *нормой* является не слишком гладкий путь плавной эволюторной кривой, а гораздо более сложный тип развития с неоднократными

¹ M. Mulhall, Industries and Wealth of Nations, London 1896, p. 157.

ускорениями и замедлениями, со скачкообразными взлётами и провалами. Такими революционными скачками сопровождается каждая смена основных экономических формаций в любой стране. А в пределах капиталистической формации взлёты и провалы, резко учащаясь, образуют собой, как известно, непрерывную цепь периодического цикла промышленных кризисов. Типичным скачком с ещё более бурным превращением количества в качество мыслится нам и тот промышленный переворот, который поднимает малопродуктивный ручной труд мануфактуры на высшую ступень—машинизированного труда в крупном машинном производстве. Каждая новая машина, каждая новая фабрика настолько повышает эффективность труда, а вместе с тем и рентабельность предприятий, пионеров в этой области, что они создают стимулы к подражанию и росту в *геометрической* прогрессии нового типа предприятий. Известную аналогию этому явлению можно усмотреть в распространении так называемой *взрывной* волны в физико-химических процессах. Взрывчатые вещества разлагаются с освобождением больших количеств энергии. Потому достаточно малейшего начального импульса, чтобы, разложив хотя бы одну молекулу, освободить столько энергии, сколько её требуется для разложения уже *нескольких* соседних молекул и освобождения энергии для дальнейшего распространения взрывной волны целыми цепями элементарных взрывов во всех направлениях. При всей условности аналогий нужно признать, что разложение каждой мануфактуры и превращение её в фабрику тоже освобождает немалое количество трудовой энергии для более эффективного её использования в других предприятиях. Только скорость разложения мануфактурного строя и распространения соответствующей взрывной волны исчисляется здесь не долями секунды, а целыми десятилетиями.

Уже а priori также понятно, что перестройка мануфактуры в фабрику в условиях крепостного строя должна протекать несколько иначе, чем в обстановке полной свободы капиталистического развития. Принудительные формы труда много дешевле свободного труда. И потому чем шире они распространены, тем уже поле для успешного вытеснения столь удешевлённого ручного труда довольно дорогими на первых порах машинами. Но, с другой стороны, свободный труд много производительнее принудительного и уже в силу этого *сам* разлагает крепостной строй, непрерывно расширяя сферу своего применения. И потому промышленный переворот, получивший своё начало, как у нас, ещё в крепостную эпоху, на первых порах *должен* протекать весьма замедленными темпами. Но зато с тем большим ускорением этот процесс развивается по мере разложения крепостного уклада, ускоряя вместе с тем и самую его гибель.

Впрочем, никакие априорные суждения и аналогии не могут заменить собой конкретного экономического исследования. Наиболее плодотворным при этом было бы изучение интересующего нас процесса перестройки в *отраслевом* разрезе, ибо каждая отрасль индустрии в этом процессе имела, конечно, свои особенности в развитии техники и производительности труда, свою кривую темпов развития и вообще свою особую судьбу. Однако этому отраслевому изучению проблемы не мешает предпослать и более общий обзор развития российской промышленности за соответствующий период.

3. ПРОМЫШЛЕННЫЙ ПОДЪЁМ

Крепостной строй зиждется прежде всего на базе натурального хозяйства и крайне низком уровне производительности принудительного труда. Для характеристики этого уровня достаточно сказать, что урожайность зерновых хлебов в России и в половине XVII века не превышала 3—3,5 четвертей сбора на каждую четверть посева, и 200 лет спустя, к половине XIX века, оставалась примерно на том же уровне—около 30 пудов на одну десятину при затратах живого труда не менее одного человека-дня на пуд зерна. Но наряду с этим мёртвым застоём в области крепостного сельского хозяйства мы прошли за это время немалый путь в области развития не только мелких кустарных промыслов, но и крупной мануфактурной промышленности. А вместе с тем росло промышленное население и, разлагая натуральное хозяйство России, росли как внутренний, так и внешний товарооборот страны.

По свидетельству современника, уже к началу 30-х годов XIX века крестьянская семья в пять душ расходовала на оплату податей и другие нужды *деньгами не менее* 19 р. 80 к. серебром (7½ р. 50 к. ассигнациями), а к началу 40-х годов этот денежный расход определялся уже в 47 руб. серебром на семью¹. При ценах хлебов не свыше 43 коп. за пуд для покрытия такого расхода в 47 руб. пришлось бы продать свыше 100 пудов зерна или за нехваткой его отправлять кого-либо из семьи в отход на заработки. О реальном значении таких сумм, как 47 руб., для крепостного крестьянина можно ещё судить по тому, что крестьянская лошадь расценивалась в те же годы в 17 руб. да и самого крестьянина можно было купить по цене от 60 руб. за ревизскую душу. Пересчёт указанных норм денежного расхода на всё сельское население соответствующих лет, не считая оборотов помещичьих имений, дал бы к 1830 г. свыше

¹ Д. Вилькинс, Что нужно помещицкому издольному крестьянину для безбедного содержания себя в нечернозёмных губерниях, М. 1832; Д. Вилькинс, Мысли и наблюдения о положении земледельческой промышленности, М. 1843; ср. «Журнал сельского хозяйства и овцеводства», № 9, 1843, стр. 252.

200 млн. руб., а к 1840 г. уже свыше 500 млн. руб. денежных оборотов в стране за счёт одной лишь деревни с возрастанием их за одно десятилетие на 150%. Уже одна эта цифра достаточно красноречиво говорит о темпах *разложения* натурального хозяйства крепостной России того времени.

О росте торговой буржуазии в России за интересующий нас период можно до известной степени судить по данным о выборке купеческих гильдейских свидетельств и суммах «объявленных» при этом торговых капиталов. Впрочем, с 1816 по 1824 г., в связи с зигзагом слишком «либеральной» тарифной политики за эти годы и соответствующей задержкой в росте промышленности, число выбранных гильдейских свидетельств не только не росло, а даже сократилось с 20 059 до 13 106, почти на 35%. В дальнейшем мы имели такой рост их¹:

Годы	Число свидетельств	Годы	Число свидетельств
1825	27 879	1845 . .	39 986
1830	26 471	1850 . .	44 193
1835	34 707	1855 . .	50 659
1840	37 381	1858 . .	61 858

Как видим, при весьма ничтожном росте за 1816—1830 гг. за следующий период наблюдается существенное ускорение темпов роста, и в общем за 1830—1858 гг. получается рост купечества всех трёх гильдий в два с третью раза, на 133%. О сумме объявленных при этом капиталов у нас имеются такие данные неопубликованных отчётов департамента торговли и мануфактур (в пересчёте на серебро):

Отчётный год	Число купцов	Объявлено капиталов (в млн. руб.)
1838	36 828	100,0
1839	35 422	101,0
1840	37 381	105,9
1841	38 590	103,6
1855	50 659	139,1
1856	53 205	142,4
1857	55 558	149,1
1858	61 858	158,3

¹ Журнал «Промышленность» № 15, 1861, т. III, стр. 265—269.

Абсолютная величина учтённых здесь капиталов, разумеется, крайне преуменьшена. Тенгоборский для 1856 г., считая у 1 149 купцов 1-й гильдии капитал по 100 тыс. руб., у 2 тыс. купцов 2-й гильдии по 40 тыс. руб. и у 51 тыс. купцов 3-й гильдии по 6 тыс. руб., определил общую сумму их капиталов в 500 млн. руб., т. е. в 3,5 раза выше «объявленной» самим купечеством¹. Но и прикидка Тенгоборского не даёт ещё правильного представления о размерах тогдашних торговых оборотов и капиталов. Не говоря уже о столицах, даже в провинции купцы с миллионными оборотами были не редки. Так, например, в Тверской губернии такие обороты имели в 1837 г. тверской купец Коровин, калязинские почётные граждане Полетаев и Образцов. Обороты кашинского почётного гражданина Жданова оценивались в 2 млн. руб., ржевского купца Немилова—в 3 млн. руб. Одного хлеба эти и другие тверские капиталисты прогоняли по Вышневолоцкой системе на сумму свыше 100 млн. руб. ассигнациями в год, железа—350 тыс. пудов, пеньки—550 тыс. пудов и т. д.² Но тем не менее динамика «объявленных» купечеством торговых капиталов с 1838 по 1858 г., давшая за двадцать лет прирост на 58%, заслуживает внимания.

О росте оборотов внутренней торговли России свидетельствует прежде всего следующая динамика привоза товаров на Нижегородскую ярмарку (в млн. руб. серебром)³:

Годы	Привоз	Годы	Привоз
1824	22,2	1849	55,5
1829	28,2	1854	57,5
1834	39,2	1859	103,3
1839	46,2	1864	108,9
1844	50,4	1869	144,0

Конечно, Нижегородская ярмарка—только одна из многих, и показатели здесь не столько абсолютные итоги привозов, сколько

¹ «Вестник промышленности» № 7, 1860, стр. 58.

² «Журнал мануфактур и торговли» № 7, 1838, стр. 81.

³ Ярмарочные обороты за 1824—1839 гг. см. «Журнал мануфактур и торговли» № 7—8, 1837, отд. III, стр. 21; № 5, 1838, стр. 278; № 10, стр. 145; № 1, 1839, стр. 159; № 11, стр. 269 и т. д. За 1863 г. «Статистический временник», Спб. 1866, стр. 158—173; ср. также «Сборник статистических сведений о России», кн. III, Спб. 1858, стр. 595. Обороты в ассигнациях переведены на серебро.

темпы роста учтённых здесь торговых оборотов. Известно, впрочем, что в 1863 г. общий оборот по всем 6 050 ярмаркам, учтённым в 50 губерниях Европейской России, достигал 383 млн. руб., из которых на долю Нижегородской приходилось всего 103 млн. руб., или 27%. А с учётом не только ярмарочного, но и всего лавочного оборота эта доля Нижегородской ярмарки оказалась бы, конечно, ещё раза в четыре ниже. Этот общий оборот, по некоторым подсчётам, ещё до 1818 г. оценивался в 900 млн. руб. ассигнациями (237 млн. руб. серебром), что раз в 15 превышало привозы на Нижегородскую ярмарку за соответствующие годы¹.

Обращаясь к темпам роста этих привозов, мы увидим, что за тридцать лет, с 1829 по 1859 г., они выросли на 266%, причём максимум роста падает на последнее десятилетие перед реформой, за которое торговые обороты ярмарки дали скачок в 87%, в то время как за следующие тридцать лет, с 1860 по 1889 г., этот темп не достигал даже 20% в среднем за десятилетие.

Значительно слабее, но всё же не плохо, отражает ту же тенденцию и внешний товарооборот России по ввозу и вывозу за границу. В 1829 г. он составлял всего 123 млн. руб., в 1839 г.—160 млн., в 1849 г.—192 млн., в 1859 г.—325 млн. руб.² Таким образом, за тридцать лет мы имеем прирост всего на 164%. И здесь максимум прироста за эти тридцать лет приходится на последнее десятилетие перед реформой—69%. Но за 60-е годы этот прирост ещё выше—87%. И лишь в последующие десятилетия он снижается явно затухающими темпами. Правда, эта волна подъёма темпов не раз прерывается падениями, в том числе и в начале 60-х годов. И новый подъём со второй половины 60-х годов несомненно связан уже с новым резким подъёмом товарности раскрепощённой деревни.

Однако подъём товарности и быстро прогрессирующее расширение внутреннего и внешнего товарооборота в стране сами по себе отнюдь ещё не являлись признаком какого-либо общего хозяйственного подъёма. Напротив, свидетельствуя об ускоренном разложении самых основ натурального крепостного хозяйства, они являлись ярким симптомом тяжёлого кризиса всей системы феодализма. Довольно наглядное отражение этого кризиса нашло себе место и в развитии государственного хозяйства России той эпохи. Вот, например, некоторые суммарные итоги исполнения госу-

¹ Арсеньев, Начертание статистики Российского государства, т. I, 1818, стр. 170—174.

² «Сборник статистических сведений о России», кн. I, стр. 150; «Виды государственной внешней торговли» за соответствующие годы и пр.

дарственного бюджета России за последние десятилетия крепостной эпохи (в млн. руб.)¹:

Годы	Расход	Приход	Дефицит	в % прихода
1832—1841 . . .	1 545	1 465	80	5,5
1842—1851 . . .	2 271	1 924	347	18,0
1852—1861 . . .	3 361	2 513	848	33,7
<i>Итого</i> . .	7 177	5 902	1 275	21,6

Всего за тридцать лет правительству удалось выкачать из населения около 6 млрд. руб., а между тем самые элементарные государственные потребности требовали много больше. Характерно, однако, что с каждым десятилетием этот разрыв между потребностями и возможностями государственного бюджета возрастал в геометрической пропорции. И если доходные ресурсы вырастали в пропорции 100:131:171, то расходы росли уже в отношении 100:144:218, а дефициты ещё стремительнее—как 100:433:1060. При таких темпах нарастания дефицитности, в особенности после неудач Крымской кампании, даже займами невозможно было надолго спасти положение. А между тем, оказавшись перед угрозой надвигающегося государственного банкротства, даже самодержавная власть в условиях *крепостного* хозяйства не могла уже выжать из населения ни гроша для своего спасения. Это и было одним из показательнейших признаков банкротства самой системы феодализма.

Как же развивалась в указанной обстановке крупная промышленность России?

Рассматривая весь период этого развития от появления первых фабрик в России в начале XIX века до тех первых, но решающих побед машинной индустрии, которые завершаются у нас кризисом всей феодальной системы, мы прежде всего можем подразделить его на две части: от 1800 г. примерно до 1830 г. и от 30-х годов до начала 60-х годов. В первую треть XIX века фабрики возникают ещё спорадически и мануфактура продолжает своё господство почти безраздельно; во вторую треть, начиная с 30-х годов, фабрика вступает в решительную борьбу с мануфактурой. Но и эту полосу борьбы, с 1830 по 1860 г., можно ещё разделить на две примерно

¹ «Статистический вестник», Спб. 1866, стр. 77—81.

равные полюсы. В первую из них, примерно до 1845 г., хотя фабрики и завоёвывают всё возрастающий удельный вес на рынке наряду с мануфактурой, но не достигают ещё явного перевеса над ней. Во вторую, после 1845 г., фабричная продукция в ряде отраслей начинает уже определённо вытеснять продукцию мануфактур с рынка, приходя к экономическому господству на этом рынке.

К сожалению, в отчётности департамента мануфактур до 1845 г. мы находим лишь общие итоги числа действовавших «фабрик» и занятых в них рабочих, без указания суммы производства и без всяких других признаков, по которым можно было бы отличить фабрику от мануфактуры. Тем не менее и в таком виде они представляют некоторый интерес для общей характеристики роста всей крупной промышленности без расчленения её на фабрики и мануфактуры.

Таблица 3

Обрабатывающая промышленность России
(без Польши и Финляндии)

Годы	Количество		Годы	Количество	
	заведений	рабочих		заведений	рабочих
1	2	3	1	2	3
1763	324	37 862	1827	5 122	209 547
1767	456	44 868	1828	5 244	225 414
1770	426	57 099	1829	5 269	231 624
1804	2 482	95 104	1830	5 450	253 893
1811	3 164	137 273	1831	5 599	264 358
1812	2 332	119 093	1832	5 656	272 490
1814	3 731	169 559	1833	5 664	273 969
1815	4 189	172 885	1834	6 045	279 673
1816	4 434	187 061	1835	6 054	288 058
1817	4 385	187 337	1836	6 332	324 203
1818	4 457	178 419	1837	6 450	376 838
1819	4 531	176 635	1838	6 855	412 631
1820	4 578	179 610	1839	6 894	454 980
1821	4 658	183 354	1840	6 863	435 788
1822	4 781	172 757	1841	6 831	429 638
1823	4 838	185 842	1842	6 939	455 827
1824	5 092	200 816	1843	6 813	466 579
1825	5 261	210 568	1844	7 399	469 211
1826	5 128	206 408	1845	8 302	507 577

Приведённые данные, извлечённые нами главным образом из неопубликованных отчётов департамента мануфактур, не отличаются

особой точностью и полнотой. В частности итоги XVIII века относятся только к указным мануфактурам, т. е. основанным каждая по особому указу, с разрешения правительства. Но наряду с ними— в особенности после 1762 г., когда разрешительная процедура уже не требовалась,—как грибы, вырастали и более мелкие заведения, которые тоже нередко присчитывались к общему итогу «фабрик и заводов». Так, В. И. Семевский насчитывал за 1763 г. до 390 (указных) «фабрик», из которых только по 324 было указано число рабочих. По другим же подсчётам уже к 1762 г. было 948 «фабрик», а к концу царствования Екатерины II (1796 г.) их насчитывалось уже не менее 3 161, включая сюда, впрочем, для пущего прославления этой царицы даже кумысные «фабрики» и овчарные «заводы»...¹ Более сравнимы между собой итоги XIX века. Правда, за невыясненностью понятия «фабрики» они тоже включают большое число мельчайших кустарно-ремесленных заведений, но, судя по среднему числу рабочих на одно учтённое заведение, крупные мануфактуры всё же среди них преобладают. Кроме того, в мелких кустарных мастерских и рабочих немного. Так, например, в итогах за 1814 г. заведения до 16 рабочих, по нашим подсчётам, достигали 70% всех учтённых «фабрик», а по числу рабочих на их долю падало всего 7,4% общего итога рабочих. Таким образом, заметного влияния на общую динамику численности всех рабочих даже весьма значительные колебания в числе охваченных учётом мелких заведений иметь не могли.

Что же показывает эта динамика?

Прежде всего можно отметить значительный и почти непрерывный за весь представленный в таблице период *рост* крупной промышленности, и притом с огромным ускорением в XIX веке против XVIII века. Если весь рассматриваемый период в 82 года разбить пополам, то за 1763—1804 гг. прирост числа рабочих будет не свыше 153%, а за 1804—1845 гг.—не менее 434%. Иными словами, за первый период число рабочих возросло всего в 2,5 раза, а за второй—по меньшей мере в 5 раз. Но первый период был периодом безраздельного господства мануфактуры, а во втором начинается уже постепенное внедрение механизации труда и паровой машины. В начале XVIII века преобладали при этом весьма примитивные формы механизации—на конной тяге или водной энергии; паровые машины появлялись лишь как редкое исключение. Но с 1815 до 1830 г., по имеющимся у нас архивным данным,

¹ В. Бурнашев, Очерки истории мануфактур в России, Спб. 1833, стр. 15—18 и 26—30 и «Материалы для истории и статистики мануфактурной промышленности в России», «Сборник сведений и материалов по ведомству министерства финансов» № 6, Спб. 1865, т. II, стр. 224—225.

одних лишь паровых машин *внутреннего* производства внедрялось ежегодно не меньше десятка, а в сумме за пятнадцать лет—до 150 паровых двигателей, около 650 разных механических станков, до 975 прядильных машин и свыше 3 тыс. разных других машин—подъёмных кранов, прессов, насосов, вальцов и тому подобных механизмов. А с 30-х годов механизация, как мы видели выше, приняла уже гораздо более широкие масштабы—на многие миллионы рублей. И вот, если с 1815 по 1830 г. число учтённых в нашей таблице рабочих возросло всего на 47%, то за следующие пятнадцать лет, с 1830 по 1845 г., оно уже удвоилось. Таким образом, уже первые, ещё очень скромные успехи механизации *удваивают* темпы промышленного развития крепостной России.

Заслуживает также внимания и другой факт. Выше отмечены были высокие темпы развития внутренней и внешней торговли крепостной России. Однако крупная промышленность заметно обгоняла в своём развитии не только внешнюю, но и внутреннюю торговлю. Так, если обороты внешней торговли за двадцать лет, с 1825 по 1845 г., возросли (со 113 млн. до 170 млн. руб. серебром) всего раза в 1,5, а ярмарочные привозы раза в 2,5, то продукция крупной промышленности, как увидим ниже, утонула за те же двадцать лет по своей стоимости. Отставание торговли объяснялось, конечно, тем, что в её обороты входила и сильно отстававшая в своём росте сельскохозяйственная продукция. Во внешнем товарообороте доля её была значительнее, а потому и отставание здесь больше. В ярмарочных привозах преобладали промышленные изделия, и потому эти привозы росли быстрее. А в общем, очевидно, не столько рост торгового капитала и рыночного спроса определял собой динамику промышленного развития России, сколько, наоборот, ускоренный темп развития крупной промышленности расширял сферу действия торгового капитала и его обороты, ускоряя тем самым разложение натурального хозяйства и всего крепостного уклада.

Можно сказать с уверенностью, что развитие крупной промышленности в России значительно опережало уже в этот период рост внутреннего рынка, скованного условиями крепостного хозяйства, ибо промышленность испытывала уже не раз, несмотря на всю ограниченность своих производственных ресурсов, состояние относительного перепроизводства. Особенно заметно становилось такое состояние, когда наряду с узостью внутреннего рынка чувствовалась какая-нибудь задержка в развитии внешнего товарооборота. А поскольку львиная доля во внешнем товарообмене с Россией принадлежала Англии, наша промышленность весьма чутко реагировала на всякую заминку спроса на этом рынке. В частности немалым бедствием для многих отраслей её явилась континен-

тальная блокада Англии, навязанная нам Наполеоном с 1807 г. Как известно, эта блокада очень неохотно осуществлялась русским правительством, что и послужило одним из поводов к вторжению Наполеона в Россию и к Отечественной войне 1812 г.

В нашей таблице 1812 год отмечен резким падением числа действовавших «фабрик» и занятых в них рабочих. За этот год в московском пожаре погибло немало крупнейших промышленных заведений. И всё же с прекращением блокады, уже в 1813/14 г., мы наблюдаем новый скачок мануфактурной промышленности вверх. Однако в порядке резкой реакции против блокады вместо полного запрета торговли с Англией с 1816 по 1822 г. в России был установлен слишком уж «либеральный» по тогдашним условиям тариф. При таком тарифе русской мануфактуре конкурировать со значительно опередившей её в результате промышленной революции английской фабрикой было не под силу. В результате с 1816 по 1822 г. мы наблюдаем явную задержку и даже некоторое снижение в развитии русской мануфактуры. Лишь в 1823 г., с восстановлением прежней охранительной таможенной политики, начинается новый крутой её подъём. Очень характерно при этом, что за весь период с 1823 по 1845 г. на этом крутом подъёме мы наблюдаем только два момента, отмеченные прямым сокращением числа рабочих,—это 1826 и 1840—1841 гг. Имея в виду английский промышленный кризис 1825 г. и международный 1837—1839 гг., невольно встаёт вопрос, не являются ли и вышеуказанные два снижения кривой промышленного развития России лишь вполне закономерным конъюнктурным отражением капиталистического цикла на Западе.

Ввиду неполного совпадения названных нами начальных дат кризисов на Западе с предполагаемым их отражением в России заметим следующее: и в Англии кризис 1825 г. сказался в снижении цен, в падении экспорта и потребления хлопка (почти на 20%) только в 1826 г., все же годовые итоги 1825 г. говорят ещё о повышающейся конъюнктуре¹. Ещё осенью 1826 г. отмечалось в Манчестере и снижение цен на ситцы ниже себестоимости, и сокращение рабочих на всех фабриках, и полное бездействие многих из них². Точно так же в период кризиса 1837—1839 гг. в Англии первое сокращение в потреблении хлопка (на 22%) наступило только в 1839 г., а второе (на 18%)—в 1841—1842 гг. А в США, где этот кризис разразился несколько позже, резкое снижение цен и других показателей началось только с 1840 г. В русской журналистике того времени кризисный «перелом» в хлопчатобумажной промышленности Англии и «чрезвычайно низкие цены» отмечаются впервые

¹ См. «Мировые экономические кризисы», т. I, М. 1937, стр. 474.

² См. письмо из Манчестера от августа 1826 г., «Журнал мануфактур и торговли» № 8, 1826, стр. 121—135.

только в 1839 г.¹ Говоря об Англии, Маркс тоже отметил в 1826 г. огромную нужду и волнение хлопчатобумажных рабочих, в 1840 г.— сильную депрессию, а в 1841 и 1842 гг.—ужасающие страдания фабричных рабочих². Таким образом, одновременность отмеченных кризисных явлений на Западе с их отражением в России едва ли является спорной.

И в этом совпадении их во времени нет ничего случайного. Обращаясь к таможенной статистике, мы сразу же находим и объяснение таких совпадений. Английский кризис 1825 г., начавшись осенью, привёл, между прочим, к сокращению импорта в Англию за 1826 г. на 6,4 млн. ф. ст., или 14,6%. А это в свою очередь сказалось на сокращении вывоза из России на 15,9 млн. руб. серебром, что составляло 25% общего вывоза из России. Такое сокращение ёмкости заграничного рынка на наши продукты не могло, конечно, не сказаться на соответствующем снижении спроса и цен на мануфактурную продукцию в России. В 1825 г. вывоз из России превышал ввоз на 14,1 млн. руб., а в 1826 г. уже ввоз превысил упавший вывоз на 1,4 млн. руб. Конечно, в Англию вывозилось из России главным образом сельскохозяйственное сырьё и прочие продукты сельскохозяйственного производства, но, недополучив из-за границы сумму в 15,9 млн. руб. за свои продукты, деревня неизбежно должна была сократить примерно на столько же свой спрос на продукты города.

Сокращение спроса на 15 млн. руб. в год по внешним оборотам ничтожно, но по отношению к тогдашним масштабам мануфактурной промышленности, вся продукция которой в 1825 г. не превышала 47 млн. руб., это была очень заметная величина. Она приводила к затовариванию, к сокращению числа занятых рабочих и ко всем прочим симптомам относительного перепроизводства.

Остановка в росте за 1839 г. и прямое снижение числа действовавших «фабрик» и занятых в них рабочих в России за 1840 и 1841 гг.—тоже не случайный дефект тогдашней отчётности, а вполне реальное явление, теснейшим образом связанное с американо-европейским кризисом этих лет. Это подтверждается и сокращением вывоза из России начиная с 1840 г. со снижением положительного сальдо внешней торговли 1839 г. на 18,1 млн. руб. за 1840 г. и на 17,4 млн. руб. за 1841 г. и рядом других фактов. Так, официальный отчёт департамента мануфактур за 1840 г., отмечая сокращение «фабрик» в действии на 31 и мастеровых на 19 202, поясняет это сокращение тем, что «некоторые содержатели фабрик уменьшили временно число нанимаемых ими рабочих, а другие и *вовсе остановили* своё производство». А из отчёта за следующий год

¹ «Журнал мануфактур и торговли» № 7, 1839, стр. 102, 110.

² См. Маркс и Энгельс, Соч., т. XVII, стр. 499 и 500.

узнаём, что «стеснение торговых оборотов» и «уменьшение сбыта фабричных изделий» не прекратилось и в 1841 г. п ещё убыло 6 155 рабочих¹. Но если в этих отчётах в объяснение указанных кризисных явлений мы находим лишь довольно беспомощные ссылки на «дороговизну хлеба от бывших неурожаев и засух», то в других, более осведомленных источниках в качестве такой причины прямо указывается на влияние американского кризиса, отразившегося «неблагоприятным образом на нашей бумагопрядильной промышленности с 1837 по 1840 г.»². Значит и в эти годы мы можем отметить кризисные явления в российской промышленности, связанные с колебаниями промышленного цикла на Западе.

Выше было отмечено, что по числу рабочих с 1804 по 1845 г. обрабатывающая промышленность России выросла на 434%. Вполне достоверных данных о росте продукции соответствующих отраслей за весь этот период у нас нет. Однако имеется всё же ряд оценок продукции за отдельные годы, представляющих для нас значительный интерес. Так, у Семёнова продукция 1804 г. исчислена в сумме 31,7 млн. руб. ассигнациями, а продукция 1825 г.— в 174 млн. руб.³ За 1845 г. имеется прямой подсчёт продукции только по 39 производствам в 95,7 млн. руб. серебром. Но по более полным данным 1850 г. можно установить, что на эти 39 производств падало не свыше двух третей всей продукции отраслей, подведомственных департаменту мануфактур (без Польши и Финляндии)⁴. Учтя это обстоятельство и переведя ассигнации 1804 и 1825 гг. на серебро, получим такую динамiku продукции:

Годы	Количество		Продукция	
	фабрик	рабочих	в млн. руб.	в %
1804	2 423	95 202	25,1	100
1825	5 261	210 568	46,8	186
1845	8 302	507 577	(143,5)	572

¹ См. неопубликованные отчёты соответствующих лет в Ленинградском архиве народного хозяйства.

² «Вестник промышленности» № 5, май 1859, стр. 98.

³ А. Семёнов, Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с XVII столетия по 1858 г., ч. III, Спб. 1859.

⁴ По полной архивной сводке департамента за 1850 г. учтено продукции 166 млн. руб. серебром, по неполной (39 производств)— 110,9 млн. руб. Ср. «Сборник сведений и материалов по ведомству министерства финансов», т. II, Спб., стр. 235, 236, где опубликованы неполные итоги 1845—1850 гг.

В общем за 41 год число заведений возросло в 3,4 раза, число рабочих—в 5,3, а продукция—даже в 5,7 раза. Значит и по числу рабочих и по их продукции за указанный период шла усиленная *концентрация производства* и средний размер предприятий укрупнялся. За вторую половину периода, начиная с 1825 г., наблюдается при этом, однако, явное ускорение этих процессов. И если число заведений за эти двадцать лет увеличивается всего на 57%, то число рабочих возрастает уже на 142%, а продукция на 206%. Впрочем, сами по себе, без учёта динамики цен за соответствующий период, эти показатели ещё мало говорят. Приведём поэтому ещё следующую справку о движении индексов оптовых и розничных цен за целую сотню лет. В основу этих индексов положены «Санкт-Петербургский прейскурант, издаваемый от государственной коммерц-коллегии» с 1803 по 1857 г., «Ведомости справочных цен в г. С.-Петербурге» с 1853 г., «Своды товарных цен» и другие источники. Весами оптовых индексов служили веса *товарной* продукции соответствующих отраслей и продуктов в 1912—1913 гг.,

Таблица 4

Индексы движения цен в Петербурге ¹
1913 г. = 100

Годы	Оптовые индексы						Розничный индекс дороговизны жизни
	Сельскохозяйственный			Промышленный			
	животноводство (3 товара)	растениеводство (12 товаров)	общий (15 товаров)	кожевенно-обувной (2 товара)	хлопчатобумажных изделий (3 товара)	общий (26 товаров)	
1803 . . .	—	—	—	23,7	374,0	171,6	42,3
1813 . . .	33,7	43,0	40,0	26,1	368,5	161,8	—
1823 . . .	38,7	41,9	40,8	40,7	241,8	116,4	40,0
1833 . . .	34,6	41,7	39,4	31,3	227,4	107,1	39,2
1843 . . .	38,4	47,0	44,2	35,8	234,2	111,5	41,6
1853 . . .	42,4	55,7	54,4	42,9	143,2	84,6	46,5
1863 . . .	50,6	69,5	63,4	52,3	115,7	86,9	54,5
1873 . . .	73,8	79,4	77,6	85,8	102,0	85,3	67,5
1883 . . .	89,3	78,5	82,0	81,0	88,4	78,7	80,4
1893 . . .	83,9	79,6	81,0	78,6	93,1	80,9	74,7
1903 . . .	93,7	74,8	81,0	85,8	95,2	81,9	80,8
1913 . . .	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

¹ В промышленный индекс включены цены по 11 отраслям, розничный—до 1843 г. включает 18 товаров, с 1853 г.—26 товаров, в том числе 18 пищевых, 7 непищевых—промышленных, дрова и сверх того квартирную плату.

веса ми розничных цен—веса потребления рабочих по бюджетам начала XX века. Ассигнационные цены 1803—1840 гг. перечислены на серебро.

Эти индексы, построенные в своё время В. Л. Далматовым по моим указаниям, и сами по себе представляют не малый интерес. Если индекс дороговизны жизни принять за показатель покупательной силы рубля, то обнаруженный в таблице рост сельскохозяйственных цен целиком объясняется соответствующим удешевлением серебряного рубля. Но зато реальное снижение *индустриальных* цен, если их выразить в *неизменном* рубле, окажется в 2,5 раза значительнее того, каким оно показано в таблице, а это, конечно, объясняется в основном ростом производительности труда в промышленности за счёт механизации и других причин.

Впрочем, и промышленные цены на разные товары вели себя по-разному. Так, например, на продукты кожевенно-обувной отрасли—с огромным преобладанием крайне примитивно организованного ручного труда—цены вовсе не падали, а даже значительно выросли за 1803—1913 гг. А вот в крупной хлопчатобумажной индустрии, где уже за крепостной период наиболее энергично шло техническое перевооружение мануфактуры в фабрику, мы наблюдаем, наоборот, максимальное снижение цен. Можно сказать даже сильнее, в то время как за весь последующий капиталистический период в хлопчатобумажной промышленности мы видим лишь колебания цен в ту и другую сторону не свыше 15%, в крепостной период мы наблюдаем до 1860 г. целую революцию в ценах—за шестьдесят лет падение в 3 с лишним раза. Такие революции в ценах уже сами по себе означают целый переворот в технике и организации производства и в уровне производительности соответствующих отраслей труда. Правда, отчасти удешевление русских ситцев за этот период объясняется огромным удешевлением ввозимой в Россию английской пряжи, которая ещё в 1800 г. продавалась по 3 шиллинга, а в 1830 г. уже по шиллингу за фунт. Но если учесть, что уже в эти годы английская пряжа начала весьма успешно вытесняться русской, то собственные успехи российской хлопчатобумажной промышленности будут очевидны.

Несмотря на громадное удешевление пряжи и ситцев, сумма хлопчатобумажной продукции в России росла такими темпами¹:

¹ В. Пельчинский, Состояние промышленных сил России (за 1822 и 1833 гг.), 1833, стр. 64—65; «Коммерческая газета» № 27, 1827 (за 1824 г.); «Сборник сведений и материалов по ведомству министерства финансов», Спб., т. II, стр. 235—236 (за 1845—1850 гг.) и архивные «Отчёты департамента мануфактур».

Годы	Продукция за год	
	в млн. руб. серебром	в %
1822	8,4	100
1824	9,9	117
1831	28,0	332
1845	38,0	452
1850	44,9	534
1860	71,1	846

В то время как продукция всей промышленности с 1825 по 1845 г. только удвоилась, в обработке хлопка она за 1824—1845 гг. почти учетверилась. А если период с 1831 по 1860 г. разбить на две половины, до и после 1845 г., то получим такое ускорение темпов: за первые 14 лет продукция даёт прирост на 36%, за следующие 16 лет—на 89%. С учётом же снижения цен этот скачок *в натуре* окажется ещё грандиознее.

4. РАЗЛОЖЕНИЕ МАНУФАКТУРЫ

Всё сказанное, казалось бы, убеждает, что российская промышленность ещё в крепостной период—в особенности с 30-х годов, а ещё заметнее с половины 40-х годов—вступила в ту полосу весьма радикальной своей перестройки и бурного роста, которые в Англии известны под названием промышленного переворота. Однакоже, обращаясь к динамике числа «фабрик» и занятых в них рабочих после 1845 г., мы с первого взгляда наталкиваемся как будто на явное противоречие такому взгляду. Во всяком случае здесь нащупывается какое-то новое явление, какой-то поворотный момент. Туган-Барановский по этому поводу утверждает следующее: «До 40-х годов фабричное производство энергично развивалось, и сами фабрики становились крупнее; с конца 40-х годов *рост фабричного производства приостановился*, и фабрики стали раздробляться»¹. И в самом деле, восполняя итоги за отсутствовавшие у Туган-Барановского годы и уточняя его цифры по архивным отчётам, получаем такую картину:

¹ Туган-Барановский, Русская фабрика в прошлом и настоящем, изд. 7-е, М. 1938, стр. 65.

Обрабатывающая промышленность России за 1845—1863 гг.

(без Польши и Финляндии)

Г о д ы	Полные итоги		Сравнимые итоги		
	число «фабрик»	число рабочих	число «фабрик»	число рабочих:	
				всего	на одно заведение
1	2	3	4	5	6
1845 . . .	8 302	507 577	8 172	483 000	59
1846 . . .	8 333	508 607	8 203	484 000	59
1847 . . .	9 029	532 056	8 914	510 200	57
1848 . . .	8 928	483 542	8 778	455 000	52
1849 . . .	9 172	495 364	9 020	467 000	52
1850 . . .	9 843	501 639	9 691	472 711	49
1851 . . .	10 126	465 016	10 126	465 016	46
1852 . . .	10 388	470 914	10 388	470 914	45
1853 . . .	10 087	481 018	10 087	481 018	48
1854 . . .	9 944	459 637	9 944	459 637	46
1855 . . .	10 943	483 234	10 218	459 869	45
1856 . . .	11 556	518 661	10 569	491 396	46
1857 . . .	11 809	591 382	10 770	511 111	47
1858 . . .	13 309	628 155	12 163	599 923	49
1859 . . .	14 214	610 653	12 940	581 965	45
1860 . . .	15 388	565 142	14 013	537 225	38
1861 . . .	15 860	549 687	14 024	519 892	37
1862 . . .	15 910	512 778	14 123	482 415	34
1863 . . .	13 101	363 607	13 630	422 932	31

Итоги отчётов департамента мануфактур не вполне сравнимы между собой за разные годы. Так, например, с 1855 г. в них впервые включаются винокуренное, пиво-медоваренное и лесопильное производства, а с 1863 г. все подакцизные отрасли исключаются. Кроме того, до 1850 г. в них входило много горных заводов Пермской губернии, подведомственных горному надзору. С 1851 г. они исключаются. Поэтому наряду с официальными итогами отчётов мы приводим за весь период более сравнимые цифры, за исключением горных заводов (в 1850 г. 152 завода с 28 928 рабочими и продукцией в 4 981 тыс. руб.), лесопильных, винокуренных и пивоваренных, но со включением сахарной и табачной отраслей за все годы, не исключая 1863 г. Кроме того, в отчёте за 1858 г. пришлось исправить один крупный просчёт. В показанный там итог 573 295 рабочих по сахарно-паточным заводам включено всего 13 451 рабочий, а прямой подсчёт по губерниям дал нам 68 311 человек. Итоги соседних лет по той же отрасли—за 1857 г.—62 847 и за 1859 г.—75 698 рабочих—вполне подтверждают просчёт в итоге.

1858 г. на 54 860 рабочих, который мы и исправляем в нашей таблице.

Что же даёт нам эта таблица?

С первого же взгляда в ней поражают два обстоятельства: это, во-первых, почти полный застой в росте численности рабочих в период с 1845 по 1862 г. и, во-вторых, прямое падение среднего числа рабочих на одну «фабрику». Впрочем, и на этом в общем застойном фоне наблюдается несколько заметных колебаний числа рабочих. И если исключить сокращение их за 1854—1855 гг., связанное с Крымской войной, то два других, после подъёмов 1847 и 1857—1858 гг., несомненно связаны с мировыми кризисами перепроизводства соответствующих лет, как это уже показано было нами в другом месте¹. Уже современники отмечали эту связь. Так, например, один из русских наблюдателей упадка торговли ситцами в России в 1857 и 1859 гг., Ф. Журов, писал в декабре 1859 г. из Тейкова: «Наконец, и у нас является что-то вроде прошедшего европейско-американского кризиса, и наши вековые дома падают, бумагопрядильщики останавливают свои заведения, механическо-ткацкие закрываются, и торговля идёт к неожиданному застою»².

Ещё категоричнее в этом отношении показание известного американского экономиста Кэри, который в письме из Филадельфии от 3 января 1860 г., обозревая течение кризиса 1857 г. в Европе, утверждал, что в отличие от Франции, Бельгии и Германии, слабее других стран, задетых этим кризисом, «Россия и Швеция пострадали *значительно*: в них кризис оказался столь же продолжительным, как и у нас»³, т. е. в США. И даже *продолжительнее*, добавим мы от себя о России, где кризис 1857 г. в своём продолжении совпал с первыми последствиями крепостной реформы 1861 г.

Что же, однако, можно сказать о более общем «застое» 1845—1863 гг.? Можно ли признать этот «застой» и измельчание «фабрики» за явные доказательства победы кустаря над фабрикой, как это думал, например, Туган-Барановский?

Мы думаем совершенно иначе. Процессы, протекавшие за эти годы в развитии крупной промышленности России, были значительно сложнее и интереснее, чем это казалось Туган-Барановскому. И никакого ущерба развитию *фабрики* вышеуказанная приостановка в росте общего числа рабочих на фабриках и мануфактурах причинить не могла. В действительности терпела ущерб и деградиро-

¹ См. С. Струмилин, Промышленные кризисы в России, «Проблемы экономики» № 5, 1939.

² Журов, О торговле ситцами, «Вестник промышленности» № 4, 1860, стр. 13.

³ Кэри, О финансовых кризисах, «Вестник промышленности» № 4, 1860, стр. 34.

вала в эти годы только *мануфактура*, притом прежде всего и особенно энергично—помещичья, вотчинная мануфактура, и деградировала она под ударами конкуренции, развивающейся в недрах крепостного строя капиталистической фабрики, т. е. крупной *машинизированной* индустрии. Конечно, этот процесс начался значительно раньше середины 40-х годов, но раньше он протекал медленнее. Удельный вес машинного труда по отношению к ручному был ещё невелик. Одна-две фабрики на сотни мануфактур не могли ещё оказать того губительного конкурентного воздействия, какое способны оказать уже десять-двадцать. И мануфактуры до поры до времени мирно уживались и даже порой умножались наряду с фабриками, но раньше или позже этому мирному сосуществованию должен был наступить конец.

В самом деле, механический ткацкий станок, по имеющимся расчётам в разное время, по мере своего усовершенствования давал столько же продукции, сколько дают от четырёх до сорока ручных станков. Цилиндрическая печатная машина Томаса Белла выполняла работу ста ручных набойщиков. Прядильный мюль Кромптона, увеличивая число веретён до 500 и более, мог заменить собой многие сотни ручных пряж. Но допустим, что в первое время, в период освоения этих механизмов, фабрика требовала только в *десять* раз меньше труда на единицу продукта по сравнению с мануфактурой. Допустим далее, что норма эксплуатации труда на мануфактурах, до появления фабрик, составляла 100%. Тогда, исходя из теории стоимости, при неизменном уровне оплаты труда можно исчислить следующую табличку роста продукции и распределения прибавочной стоимости между фабриками и мануфактурами с возрастанием доли механизированного, фабричного труда по отношению к общей численности рабочих крупного производства (см. табл. 6).

Приведённый примерный расчёт довольно поучителен, хотя в нём немало условного. Конечно, мануфактуристы не могут долго работать себе в убыток или даже с ничтожной прибылью, не сделав всего возможного, чтобы покрыть свои протори и убытки за счёт максимального снижения зарплаты своих рабочих, усиленной эксплуатации наиболее дешёвого домашнего труда и тому подобных мероприятий. Но и этот источник имеет свои весьма жёсткие границы. И наша таблица показывает, что при заданном соотношении производительности машинного труда решительная победа фабрики над мануфактурой наступает гораздо раньше полного её вытеснения. Даже когда мануфактура охватывает ещё до 90% всех занятых в крупном производстве рабочих, песенка её уже спета, ибо она попадает в совершенно безысходный для себя кризис на грани полной неприбыльности и застойного прозябания.

Производство и распределение продукции мануфактур и фабрик
в период промышленного переворота на 100 единиц машинного
и ручного труда¹

% труда		Количество продукта в натуре			Трудовая сто- имость всего продукта	Средняя цена единицы продук- та (графа 6: графа 5)	Доля в стоимости			
фабрик	мануфак- тур	фабрик	мануфак- тур	итого			рабочих	хозрасв		
					фабрик	мануфак- тур		итого		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
0	100	—	100	100	100	100,0	50	—	50,0	50
1	99	10	99	109	100	91,7	50	8,7	41,3	50
2	98	20	98	118	100	84,7	50	16,0	34,0	50
3	97	30	97	127	100	78,7	50	22,1	27,9	50
4	96	40	96	136	100	73,5	50	27,4	22,6	50
5	95	50	95	145	100	69,0	50	32,0	18,0	50
6	94	60	94	154	100	64,9	50	36,0	14,0	50
7	93	70	93	163	100	61,4	50	39,5	10,5	50
8	92	80	92	172	100	58,3	50	42,6	7,4	50
9	91	90	91	181	100	55,2	50	45,2	4,8	50
10	90	100	90	190	100	52,6	50	47,6	2,4	50
11	89	110	89	199	100	50,2	50	49,8	0,2	50
12	88	120	88	208	100	48,1	50	51,7	-1,7	50

Победу фабричного строя над мануфактурным надо, в сущности, датировать не с того момента, когда он станет преобладающим

¹ Показатели этой таблицы получены следующим образом. Продукция одного рабочего за день на мануфактуре принята за единицу, а на фабрике за 10 единиц. И потому цифры граф 2 и 4 совпадают, а цифры графы 3 в 10 раз больше, чем графы 1. Трудовая стоимость этой продукции (в графе 6) при одних и тех же затратах труда (графа 1+графа 2=100 рабочих) не меняется с возрастанием фабрик, но цена единицы продукта, принятая для начального момента за 100 (в графе 7), падает обратно пропорционально производительности труда, так что цифры графы 7 равняются итогам графы 6, делённым на графу 5. А прибавочная стоимость фабрикантов и мануфактуристов в графах 9 и 10 при сделанных допущениях получится из следующего расчёта. Пусть рабочий в исходный момент создаёт за день стоимости на 1 руб. и получает из неё в оплату труда 50 коп. Хозяину останется при этом от 100 рабочих по 50 коп., или 50 руб. В следующий момент при 99 рабочих мануфактурист выручит ввиду снижения цен за их продукцию $99 \times 0,917 = 90,8$ руб., что за вычетом их оплаты труда $99 \times 50 = 49$ р. 50 к. даст ему уже только 41,3 руб. прибыли. А фабрикант за 10 единиц продукции по той же цене выгрузит 9 р. 17 к. и за вычетом 50 коп. зарплаты получит 8 р. 67 к. чистой прибыли, что соответствует норме прибавочной стоимости в $867 \times 100 : 50 = 1724\%$.

в стране по числу предприятий или рабочих, и даже не с того момента, когда он даст свыше 50% продукции в той или другой ведущей отрасли труда... Капитал ведь «работает» не ради увеличения продукции, а ради извлечения возможно большей массы прибылей. С этой точки зрения фабричный строй в лице представляющей его прослойки предпринимателей—фабрикантов—становится первенствующим по значению и господствующим уже с того момента, когда этой прослойке удаётся захватить в свою пользу преобладающую долю *прибавочной стоимости*, создаваемой в промышленности. А для этого, как видно из нашей таблицы, достаточно охвата при заданных предпосылках не свыше 30% продукции и всего до 4—5% по числу предприятий и рабочих.

Очень любопытен при этом следующий вывод из той же таблички. Чем меньше доля механизированного труда в общей его массе, тем более высокая премия за предпринимчивость достаётся первым фабрикантам, пионерам механизации, в форме непомерно вздутой против среднего уровня нормы прибавочной стоимости. В нашем примере средняя норма прибавочной стоимости на всех ступенях механизации для всего крупного производства в целом принята условно неизменной. Но в отдельности для мануфактуры и фабрики она весьма различна, с общей тенденцией резкого падения как для той, так и для другой. В частности на фабрике, при 5% фабричного труда в общей его массе, она достигает огромной цифры в 32 : 2,5, или 1280%, при 10% такого труда она всё ещё держится, несмотря на удешевление цен продукции *вдвое*, на уровне в 950% и лишь при полном, стопроцентном охвате фабричным строем всего производства и *десятикратном* снижении цен она спускается до средней нормы в 100%. В то же время на мануфактуре уже при 5% механизации труда норма прибавочной стоимости со 100 падает до 37,8%, при 10-процентной доле машинного труда в общей его массе она снижается уже до 5%, а затем и вовсе исчезает всякая прибавочная стоимость и прибыль.

Конечно, предпринимателей в большей степени интересует норма прибыли, чем норма прибавочной стоимости. Не следует забывать, что *фабричное* оборудование из расчёта на единицу труда обходилось в десятки, а иной раз и в сотни раз дороже *ручного* на мануфактуре. И, стало быть, в нормах прибыли, т. е. по отношению к вложенному капиталу, преимущества фабрики над мануфактурой были значительно меньше, чем в нормах прибавочной стоимости, по отношению к зарплате. Но всё же, когда прибыль мануфактуриста вовсе исчезала или даже превращалась в хронический убыток, ему не оставалось ничего иного, как либо переоборудовать свою мануфактуру в фабрику, либо, если для этого не хватало капитала, попросту её ликвидировать.

Однако капитала, которого хватало на оборудование даже большой мануфактуры в *две-три тысячи* рабочих, едва ли могло хватить на перевооружение её по фабричной мерке даже для *сотни-другой* рабочих. Отсюда неизбежное следствие. В период усиленного разложения мануфактуры путём ликвидации более слабых или путём хотя бы частичного оборудования машинами более сильных мануфактур неизбежны, во-первых, массовые расчёты рабочих, занятых на мануфактурах, а во-вторых, в качестве дальнейшего следствия неизбежно превращение ряда многолюдных мануфактур в гораздо менее многолюдные на первых порах фабрики и, стало быть, известное снижение среднего размера предприятий по числу рабочих. Машины для того ведь и вводятся, чтобы замещать ими известное число рабочих. Однако с ликвидацией одних и переоборудованием других мануфактур в менее крупные по числу рабочих фабрики возникали и новые крупные фабрики за счёт притока капиталов из других сфер хозяйства и даже из-за границы. В силу этого действие указанных тенденций несколько ослабевало, и вместо общего *сокращения* вытесняемых машиной рабочих получилась лишь временная приостановка в их росте, вместо более резкого измельчания средних размеров предприятия по числу рабочих получилось менее резкое, но всё же измельчание их.

Такие явления представляются совершенно парадоксальными в свете всего дальнейшего развития крупной промышленности с её бурным ростом и по общему числу рабочих и по концентрации их на крупнейших фабриках за счёт гибели более мелких. Но даже относительно мелкая фабрика была несравненно жизнеспособнее более крупной мануфактуры, и в период наиболее острой борьбы между собой этих конкурирующих между собой форм эти парадоксальные явления стали вполне закономерным фактом, отмеченным всеми отчётами департамента мануфактур за 1845—1863 гг.

И ещё один парадокс. В эпоху наиболее острого кризиса мануфактурного строя, когда мануфактура уже не могла успешно конкурировать с фабрикой, на смену мануфактуре в роли таких конкурентов на рынке выступают довольно широкие массы кустарей, светёлочников и тому подобных представителей мелкой домашней промышленности. Особенно парадоксально изображает это столкновение кустаря с фабрикой Туган-Барановский, который, не различая фабрики от мануфактуры, совершенно не понял природы данного явления и твердил «о распадени в первой половине XIX века крупных фабрик (?) под влиянием конкуренции с ними кустарей» (1), о том, что в России «не домашняя промышленность породила фабрику, а, наоборот, фабрика (?) породила домаш-

ную промышленность», и что вообще у нас в эту эпоху «мелкое производство стало вытеснять крупное»¹.

Всё это было не так, конечно. Распадалась в указанный период совсем не фабрика, а мануфактура, и не под влиянием конкуренции кустарей, а под ударами более прогрессивной крупной машинной индустрии. А кустарную промышленность этой эпохи следует рассматривать не в качестве какого-то неожиданного порождения фабрики, а просто как весьма естественный *продукт распада* деградирующей мануфактуры. Хозяин мануфактуры, если она уже не приносила ему достаточного дохода, мог ликвидировать её, избрав для себя другое, более прибыльное помещение капитала. Но изгнанные с мануфактур рабочие, вовсе не претендуя на извлечение прибылей, хотели всё же жить, и потому волей-неволей они становились, используя свои профессиональные навыки, «самостоятельными» производителями-кустарями, работая большей частью за полцены на того же предпринимателя-мануфактуриста и выпадая таким образом из учёта «фабрик». Некоторая связь с сельским хозяйством и тяжёлая необходимость заставляли их идти на урезку даже той доли своего продукта, которая им следовала бы в качестве нормальной оплаты их труда. Но такое нищенское их существование в течение известного периода, до голодной смерти или перемены профессии, означало, конечно, не победу мелкого кустарного производства над фабрикой, а только несколько затянувшуюся последнюю стадию разложения уже распавшейся на свои элементы—в кустарных светёлках или на дому—централизованной мануфактуры. Это была уже только агония—правда, очень длительная—побеждённого машиной ручного труда.

В том, что это было именно так, а не иначе, легче всего убедиться, обратившись к прямым данным о динамике продукции за рассматриваемый период. Если длительный застой, а порой даже значительное сокращение числа рабочих до начала 60-х годов можно ещё истолковывать по-разному, то динамика продукции за данный период не поддаётся уже никаким кривотолкам. Дело в том, что *продукция* крупной промышленности за этот период, несмотря на *приостановку* роста рабочей силы и даже в годы *снижения* численности рабочих, почти непрерывно *росла* и притом весьма высокими темпами (см. табл. 7).

Всматриваясь в эту таблицу, мы можем отметить только одно заметное снижение продукции во время Крымской войны с 1854 г. по 1855 г., а в общем за весь период в пятнадцать лет, до реформы 19 февраля, мы наблюдаем почти удвоенные валовой продукции при

¹ *Туган-Барановский*, Очерки развития мануфактурной промышленности России, М. 1912, стр. 11 и «Русская фабрика», изд. 7-е, М. 1938, стр. 178, 207

Продукция обрабатывающей промышленности России за 1845—1863 гг.

Годы	По отчётам		По сравнимому кругу отраслей		
	число рабочих (в тыс.)	продукция (в млн. руб.)	число рабочих (в тыс.)	продукция	
				всего (в млн. руб.)	на одного рабочего (в руб.)
1	2	3	4	5	6
1845 . . .	507,6	(143,5)	483,0	(139,0)	287
1850 . . .	501,6	166,0	472,7	161,0	341
1851 . . .	465,0	159,4	465,0	159,4	343
1852 . . .	470,9	162,2	470,9	162,2	344
1853 . . .	481,0	169,2	481,0	169,2	352
1854 . . .	459,0	151,9	459,6	151,9	300
1855 . . .	483,2	175,5	459,9	165,5	360
1856 . . .	518,7	205,2	491,4	191,1	389
1857 . . .	591,4	220,5	511,1	203,3	397
1858 . . .	628,2	241,5	599,9	222,6	371
1859 . . .	610,7	273,5	582,0	252,7	434
1860 . . .	565,1	292,5	537,2	268,8	500
1861 . . .	549,7	313,3	519,9	284,6	547
1862 . . .	512,8	305,1	482,4	272,1	565
1863 . . .	363,6	242,0	422,9	281,1	663

огромном возрастании производительности труда. Да и после реформы, несмотря на резкое сокращение числа работавших на принудительном труде вотчинных мануфактур, этот рост продолжался с не меньшим успехом. Характерно при этом резкое ускорение в росте производительности труда. В то время как с 1825 по 1845 г. выработка одного рабочего выросла за двадцать лет всего на 28%, за следующие восемнадцать лет, с 1845 по 1863 г., она возрастает уже на 131%. Ещё разительнее будет этот рост производительности труда, если учесть и снижение цен, имевшее место за сравниваемые периоды, по индексу оптовых цен для всей промышленности. По приблизительному расчёту это даст следующую картину:

Годовая выработка рабочего

Годы	В руб. серебром	В руб. 1913 г.	В %	Индекс цен (1913 г.=100)
1804	264	156	100	169,6
1825	223	195	125	114,6
1845	287	269	172	106,5
1863	663	764	490	86,9

В среднем за десятилетие до 1825 г. прирост выработки был не выше 11—12%, с 1825 по 1845 г.—до 17% за десятилетие, после 1845 г.—до 78% за десятилетие. Подобных скачков в приросте и вообще столь высоких темпов производительности труда не знала российская промышленность ни раньше, ни после 1845—1860 гг., не достигая и половины этих темпов даже в годы наивысшего расцвета капитализма. В среднем за 1863—1913 гг. прирост производительности труда в России не превышал и 21% за целое десятилетие, или около 2% за год. Лишь в пашни для социалистической индустриализации советская промышленность впервые по темпам роста производительности труда перекрыла всё, что было известно до сих пор в мировой практике. За две сталинские пятилетки производительность труда выросла у нас в 2,5 раза (на 156%), что даёт до 11% прироста за год, т. е. *раз в пять* выше темпов капиталистического периода. Таковы темпы технического прогресса на путях к коммунизму!

Темпы роста производительности труда в 40-х годах прошлого века были значительно, *раза в два*, меньше. Но всё же это был огромный скачок вперёд, точнее, целая промышленная революция на подъёме от мануфактуры к фабрике. Почти непостижимо, как мог её просмотреть Туган-Барановский. Проглядеть целую революцию—это не шутка. Но всё же это случилось. Игнорируя имевшиеся в литературе данные о небывалом росте индустриального производства в России со второй половины 40-х годов, он доказывал, базируясь только на динамике числа рабочих, что именно с конца 40-х годов этот рост «фабричного производства» *приостановился*. *Остановка* в росте численности рабочих при бурном росте суммы производства и падении цен означала собой такой рост производительности труда, который совершенно немислим без весьма радикальной перестройки всей *технической базы* тогдашней мануфактуры. Старая мануфактура при *ручном* труде и *неизменном* числе рабочих не могла бы повысить свою продукцию по физическому объёму в 2,8 раза всего за восемнадцать лет. Повышение производительности труда за эти годы на 185% свидетельствует об очень энергичных темпах перестройки мануфактуры в фабрику. Фабрика праздновала в эти годы свои первые решительные победы, а Туган-Барановский, проглядев всё это, твердил о разложении фабрики.

Период 1845—1860 гг. был ознаменован, конечно, не только подъёмом фабрики, но и упадком мануфактуры. Впрочем, это лишь две разные стороны одного и того же кризисного процесса. Особенной чертой этого кризисного процесса в России по сравнению с Англией и Францией было, однако, то, что он протекал у нас в условиях крепостного хозяйства. Даже в промышленности наряду

с капиталистически организованными крупными предприятиями с наёмным трудом у нас вплоть до 1861 г. сохранялось немало и таких вотчинных и посессионных мануфактур, которые в основном базировались на принудительном труде. Производительность такого труда, как это установлено нами по отчёту департамента мануфактур за 1813/14 г., была раза в 2 ниже по сравнению с лучше оплачиваемым вольнонаёмным, даже при равной технике. И потому в условиях конкуренции с гораздо выше технически вооружённым фабричным трудом такие большей частью *помещичьи* мануфактуры разорялись значительно раньше *купеческих*. Острее других они испытывали поэтому и всякое конъюнктурное снижение рыночного спроса и цен. Особенно плохо приходилось им в такие годы, когда воздействие английских кризисов, а затем и мировых вынуждало российскую промышленность от времени до времени сокращать свою продукцию и действующий состав рабочих, как это было, например, в результате циклических потрясений 1825, 1839, 1847 и 1857 гг. Вольнонаёмных рабочих легко было рассчитать, а посессионных и крепостных приходилось оплачивать и содержать независимо от того, имела ли для них работа или нет. Вотчинную мануфактуру в случае нужды можно было при этом и закрыть, переведя своих крепостных на оброк или иную работу, а убыточное посессионное предприятие и закрыть было невозможно без специального разрешения правительства, без огромной потери времени и дорого стоящей бюрократической волокиты.

Вот почему особо стеснительной для самих владельцев предприятий оказалась именно посессионная форма принудительного труда. И уже в 1839 г.—в разгар промышленного кризиса на Западе, вскоре сказавшегося и в России заметным сокращением числа рабочих,—граф Канкрин, по ходатайствам самих посессионных «фабрикантов» ещё с 1836 г., вошёл в государственный совет с представлением об отмене основных положений посессионной системы¹. В первом же пункте этого представления предлагалось отменить «обязанность (посессионных владельцев) *не уменьшать действий* фабрик и не изменять рода изделий», а затем облегчить им возможность и полной ликвидации убыточных заведений с увольнением занятых в них рабочих. Государственный совет «по вопросу о том, как поступать с посессионными заведениями, при кои состоят посессионные люди, когда *люди становятся бременем для фабриканта*», признал, что ныне, когда «число вольных рабочих и мастеров быстро увеличивается, *удобнее и едва ли не выгоднее* для фабрикантов иметь сих людей по *найму*, нежели держать соб-

¹ См. архивные «Отчёты департамента мануфактур» за 1836 и 1859 гг.

ственных и приписных на *стеснительных* условиях посессионного права», и, ссылаясь на «*постоянные жалобы посессионных владельцев*», высказался за «*постепенное*», но решительное уничтожение в государстве посессионных заведений с обращением посессионных людей в *свободные состояния*.

Это мнение государственного совета удостоилось «высочайшего утверждения» 18 июня 1840 г., но по разным соображениям вовсе не было опубликовано. Тем не менее на основе этого решения, по свидетельству Семевского, за 1840—1850 гг. было упразднено свыше ста посессионных заведений с освобождением 19 309 душ посессионных крестьян, перешедших в другие состояния. В 1825 г. в заведениях, подведомственных департаменту мануфактур, числилось 29 328 посессионных *рабочих*. К 1851 г. при «*фабриках*» оставалось только 27 009 душ мужского пола посессионных крестьян, стало быть за вычетом детей и стариков-рабочих не свыше 12—13 тыс., а к моменту крепостной реформы, очевидно, ещё меньше¹.

Наряду с посессионными всё чаще ликвидировались к этому моменту и вотчинные дворянские мануфактуры, эксплуатирующие крепостной труд. В то время как сильнейшие купеческие мануфактуры закупали машины и перестраивались в фабрики, более слабые, дворянские, при первом же серьёзном снижении цен не выдерживали конкуренции с фабрикой и прекращали работу. Так, например, в связи с кризисным потрясением русской промышленности конца 50-х годов, по отчётам департамента мануфактур, начиная с 1859 г. имело место значительное сокращение числа рабочих: за 1859 г.—на 17,5 тыс. и за 1860 г.—на 45,5 тыс. человек. «Такое уменьшение числа рабочих людей на фабриках,—читаем мы в отчёте департамента за подписью вице-директора Кригера,—происходит частью *от уменьшения производства на помещичьих фабриках, частью же от введения машин*». Наблюдение верное, не подмечена в нём лишь внутренняя теснейшая связь двух отмеченных явлений.

Уменьшение производства на *помещичьих* «фабриках» ещё до реформы 19 февраля происходило именно «от введения машин» на других фабриках. Обе «части» составляли единый процесс. Машина вытесняла рабочих не только в тех предприятиях, в которых она непосредственно вводилась, но и в тех, где её по тем или иным причинам не могли ввести. Крепостной труд в промышленности находился не в меньшем противоречии с машиной, чем свободный с крепостными устоями на всех других участках народного хозяйства. В борьбе между фабрикой и мануфактурой принудительные

¹ В. И. Семевский, Крестьяне в царствование Екатерины II, т. I, 1903, стр. 745; ср. Кеппен, Девятая ревизия, Спб. 1857, стр. 293, «Исторический архив», т. I, Л.—М. 1936, стр. 258.

формы труда не усиливали, а даже ослабляли позиции последней. Хуже обстояло дело с развитием достаточного внутреннего рынка для растущей фабричной продукции, хотя и это препятствие довольно быстро изживалось с разложением натурального крепостного хозяйства. Но если отживающий крепостной строй не мог уже надолго замедлить неизбежную победу машинной индустрии в России, то последняя во всяком случае заметно ускорила и без того неотвратимое его разложение и окончательную гибель. И таким образом, это победное *начало* машинной индустрии в России далеко не случайно совпало у нас с бесславным *концом* всего крепостного уклада в стране.

1 py6aa